

ЭНТОНИ БЁРДЖЕСС

M/F

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА

Эксклюзивная классика (ACT)

Энтони Бёрджесс

M/F

«Издательство ACT»

1971

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Бёрджесс Э.

M/F / Э. Бёрджесс — «Издательство АСТ»,
1971 — (Эксклюзивная классика (ACT))

ISBN 978-5-17-110628-7

От университетского кампуса – к загадочному острову. От античной мифологии – к индейским легендам, от тонких библейских аллюзий – к острой, циничной интеллектуальной сатире. «M/F» – роман, ставший мировой литературной сенсацией. Его исступленно ругали или столь же исступленно им восхищались. О нем спорили и им зачитывались. Однако ни у восторженных поклонников романа, ни у его рьяных ненавистников не возникало сомнений: Энтони Бёрджесс вновь нарушил границы дозволенного в литературе. История юного Майлса Фабера – царя Эдипа XX столетия – становится историей искусства как такового. Но что есть современное искусство? По каким законам оно существует? И прав ли Майлс, с юношеским максимализмом продвигающий теорию «искусства хаоса и разрушения»?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110628-7

© Бёрджесс Э., 1971
© Издательство АСТ, 1971

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	25
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Энтони Бёрджесс

M/F

Anthony Burgess
M/F

Серия «Эксклюзивная классика»

Печатается при содействии литературных агентств David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

© International Anthony Burgess Foundation, 1971
© Перевод. Т. Покидаева, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Per Liana¹

*Donna valente,
La mia vita
Per voi, più gente,
E ismarita².*

В своем «Лингвистическом атласе Соединенных Штатов и Канады» Ганс Курат не признает изоглоссу, совпадающую с политической границей вдоль 49-й параллели северной широты.

C. Помпер

*C'est embetant, dit Dieu. Quand il n'y aura plus ces Francais,
Il y a des choses que je fais, il n'y a aura plus personne pour les
comprendre.
Charles Péguy³*

Входят принц, Леонато, Клавдий и Джеки Уилсон.
Много шума из ничего.
Первое фолио

¹ Посвящается Лianne (*им.*). – Здесь и далее примеч. пер.

² Донна прекрасная, / Жизнь моя – / Для тебя, / Лишь для тебя / Одной. – Джакомино Пульезе.

³ Досадно! – Бог изрек. – Когда французов более не станет, то смысл каких-то из моих деяний и некому уж будет понимать. – Шарль Пегу (*фр.*).

1

– Боже мой, совсем голый?

Это было давно, очень давно. Тогда я еще не достиг совершеннолетия и теперь проецирую позы и речи взрослого, зрелого человека на того неоперившегося юнца в номере «Алгонкина». Я не думаю, например, что действительно ответил:

– Скажем так, функционально голый. С оголенными оперативными зонами.

– Средь бела дня?!

– В лунном свете. В непорочном сиянии чистой луны Массачусетса.

Печаль Лёве пролегла между нами – неизбывная, неутолимая. Верьте, что я говорил именно это. Верьте всему.

– В основном это была ее идея. Она сказала, мол, это можно рассматривать как форму протеста. Она-то сама из студенческого возраста давно вышла, так что для акции протеста уже вроде как и не годилась. Это должно было быть *мое шоу*, как говорят британцы. Бесстыдное публичное совокупление как способ выразить свой протест. Против тиранических демократий, войн во имя мира, принуждения студентов к учебе...

– То есть вы признаете, что совершили бесстыдство?

– Против того, что индийские дети, похожие на скелеты, едят собачье дермо, если им посчастливится его найти.

– Я спросил, признаете ли вы...

– Никакого стыда. Все происходило у входа в Мемориальную библиотеку Ф. Дженнату. Помощница библиотекаря, мисс Ф. Каика, как раз закрывала библиотеку на ночь. Я отчетливо видел ее браслет-змейку, когда она поворачивала ключ.

Мой разум отчасти был занят сочинением загадки про *Лёве*. Вот что получилось:

Тевтонский рык его гремит,
А сам – овца овцой сидит.

Лёве, хранитель закона, сидел, весь из себя печальный, на стуле. А я, упорствующий во грехе, лежал на кровати. Голый, но не совсем. Лёве был одет в легкий, сдержанно-переливчатый костюм – по слухам нью-йоркской жары, что свирепствовала снаружи почище самой свирепой зимы. Из львиного в его облике были лишь волосатые лапы, но это, в конце концов, родовой признак животных. Хотя из-за львиной фамилии его волосатость представлялась мне не совсем человеческой, и от этого я чувствовал необъяснимое тревожное биение, обосновавшееся в паузе. Точно такое же биение, только в печени, началось у меня и тогда, когда профессор Кетеки преподнес нам задачку о записи в дневнике Фенвика от 2 мая 1596 года. Я докурил до самого фильтра, затянулся в последний раз и затушил сигарету среди прочих окурков. Лёве принюхался к дыму, как зверь. Спазм тревоги. Лёве спросил:

– Это какой-то галлюциноген?

– Нет. «Синджантин». Изготовлено под монопольным контролем правительства Республики Корея.

Я прочитал это на бело-золотисто-зеленой пачке и добавил:

– Впервые я их увидел на выставке в Монреале. И там же впервые прочувствовал зло любых разграничений. Я пересек границу, но так и остался в Северной Америке.

Лёве вздохнул, и этот вздох был похож (вновь спазм тревоги) на миниатюрный раскатистый рык. Его очки вспыхнули отражением пылающей Западной Сорок четвертой улицы.

– Надо ли мне говорить, и ему не надо было говорить, как огорчился бы ваш бедный отец. Сына выгнали из колледжа за постыдный, бесстыдный...

– Мои собратья-студенты бунтуют, требуют моего восстановления. На кампусе гремят выстрелы. На закате пылают костры, в них горят книги. Реакционер Уитмен, фашист Шекспир, поганый буржуй Маркс, Вебстер со своей избыточностью слов. У студента есть право публично сношаться.

Я достал из пачки еще одну «синджантинку», но тут же сунул обратно. Надо следить за своим здоровьем. Я был тощим и слабым. Страдал кардиоревматизмом, многочисленными разновидностями астмы, колитом, нервной экземой и сперматоидом. Я был, и сам это знал, психически не уравновешенным человеком. Предавался сексуальному эксгибиционизму, несмотря на явный недостаток физической энергии. Мой мозг любил, когда его пичкали раскрошенными печеньишками бесполезной информации. Если информация была бесполезной, я ее схватывал, что называется, на лету. Но я твердо решил исправиться. Я собирался побольше узнать о работах Сиба Легера. Хотя это тоже была бы бесполезная информация, на самом деле, потому что кого это интересует, кому захочется это знать, сколько людей вообще хоть раз слышали это имя? Меня же творчество Сиба Легера привлекало безмерно – своим возвышением бесполезного, нежизнеспособного, не поддающегося никакой классификации в...

– Господи, как же так можно?! Как вы дошли до такого безумства?

– Это все из-за лекции профессора Кетеки. По ранней елизаветинской драме.

– Насколько я знаю, вы должны были изучать деловое управление.

– С управлением у меня не сложилось. Мне посоветовали переключиться на что-нибудь бесполезное. В деловом управлении меня ужасало отсутствие океанических мистерий. Но если подумать, елизаветинская драма может многому научить в смысле стратегии управления. Интриги, кинжалы в спину, вероломные братья, отравленное питье на пирах...

– Ой, ради бога...

– Так вот, в лекции была упомянута запись в дневнике Фенвики. Тот записывал свои впечатления о лондонских чудесах, дабы потом смаковать их в изгнании. Летом 1569 года он смотрел пьесу в театре «Роуз» в Бэнксайде. Все, что он записал в дневнике: «Золото, золото – и даже номинально». В то утро профессор Кетеки был пьян. Его жена родила сына, их первенца. Запах виски можно было почувствовать с третьего ряда. Кетеки, этакий журавль фигурой, но с совиной головой, натужно вымучивал невнятную лекцию, сдобренную запахом виски.

Вряд ли я произнес этот последний пассаж на самом деле. Но я действительно сказал:

– Однако он вполне внятно предложил двадцать долларов тому, кто скажет, какую пьесу смотрел Фенвик.

– Послушайте, у меня встреча с клиентом...

– И тут меня озарило. Я встречался с мальтийской девушкой из Торонто, изучавшей родную литературу. Как-то она показала мне одно свое сочинение, и меня поразило слово jew. По-английски это «еврей». А в мальтийском, она мне сказала, это союз «или». По-английски он пишется or. Но во французском языке и в геральдике or значит «золото». И однажды она говорила, что я похотлив, как фенех, то есть кролик. Так что этот Фенвик вполне мог быть Фенехом – это достаточно распространенная мальтийская фамилия, как я понимаю, – и англоязычным мальтийским агентом английского рыцарского капитула. Пьеса, которую он смотрел, – это «Мальтийский еврей» Марло. Я получил двадцать долларов от Кетеки еще прежде, чем тот успел вытереть с пальцев мел. Деньги я пропил.

– Ох.

– В Риверхеде есть очень славный китайский ресторанчик, называется «Пу коу-тоу». Риверхед, как вы, наверное, знаете, назван в честь места рождения лорда Джеймса Амхерста. Здесь он великий герой, Амхерст. Разбил французов и дал Северной Америке повод восстать

против Британии. Его племянник, Уильям Питт Амхерст, был назначен британским послом в Китае. Но зарубил свою миссию, отказавшись пасть ниц перед Императором.

– Послушайте, ровно в пять у меня встреча с клиентом.

– А разве я не такой же клиент?

Он хитро прищурился и сказал:

– Чего именно вы хотите?

– Во-первых, закончить рассказ. Я собирался поесть, но вместо этого напился. И познакомился с очень веселой игривой дамой, тоже бывшей в изрядном подпитии. Она учила бармена смешивать коктейль под названием «Шлеп-нога». Убойная штука. С «Бакарди», бурбоном и двойным крем-ликером. Сказала, она здесь проездом, по дороге в Олбани. И это она выдала ту идею с протестом.

Опустив взгляд на свою руку, я обнаружил, что курю очередную «синджантинку», чисто на автомате. Но я был полон решимости исправиться. Мне вот-вот должен был исполниться двадцать один, и время летело неумолимо.

– Вы должны понимать, – сказал Лёве, – что я ничего не могу для вас сделать до вашего совершеннолетия.

– Я знаю, – ответил я, – знаю, что мне причитается в положенный срок. Но в данный момент я все еще озабочен своим образованием. Хочу побывать на Кастите.

– Боже мой, где??

– На пятнадцатом градусе широты, к югу от Испаньолы. В трехстах милях к западу от Подветренных островов. Бывший британский протекторат. Столица – Гренсайта. Население...

– Я знаю, где это находится. Я все знаю про это проклятое место. Но я никак не пойму...

– *Почему?* Тут все просто. Профессор Кетеки пробудил во мне интерес к человеку по имени Сиб Легеру, каститскому художнику и поэту. Очень загадочный, очень талантливый. Вы о нем даже и не слыхали, и никто не слыхал. Его сочинения не были опубликованы, его картины гниют, так никем и не увиденные. Я читал ксерокопию рукописи. Потрясающее. Один колониальный чиновник постарался хоть как-то спасти работы Легеру, уже после смерти последнего. Устроил что-то вроде музея Легеру на Кастите. Туда никто не заходит, ключ висит в табачной лавке. Мне интересно. Хочу посмотреть.

Лёве издал очередной взрывной рев. Он сказал:

– Вообще-то я не суеверен. Но, как вам известно, ваш бедный отец встретил смерть на Карибах.

– Я забыл.

– Ладно, не берите в голову. На данный момент положение таково. Вы достигнете совершеннолетия... так, когда это будет...

– В декабре. В сочельник. Без двух минут полночь.

– Я знаю, знаю. Вам, конечно, известно условие вступления в наследство.

– Условие совершенно дурацкое.

– Я бы позволил себе заметить, что подобное отношение не пристало хорошему сыну.

Ваш отец твердо стоял за смешанный брак и смешение рас.

– Когда я женюсь, это будет только по любви.

– Ох, – сказал Лёве, – сразу видно, что вы еще очень юны. Если бы все женились исключительно по любви, мир превратился бы в ад. Любовь – это нечто, чему мы учимся вкупе с другими супружескими обязанностями. Все остальное – для поэтов. Я очень надеюсь, – продолжал он взволнованно, – что семья Ань не узнает о вашем, о вашем...

– Если дадите мне адрес, я им сообщу.

– Нет, нет, нет.

– В «Риверхед стар» не было ничего. Руководство колледжа о том позаботилось. В более сознательных СМИ, может быть, что-то и проскользнет, но никаких имен упоминаться не

будет. Протестующие студенты имеют лишь коллективное существование. Личность полностью поглощена целью или ритуалом. Лозунги на грани оргазма. Гитары, бонго и песнь всеобщего братства людей. Лошеные бороды юнцов разверзаются, подбодряя нас на финишной прямой.

– Юная леди, мисс Ань, очень достойная юная леди. В жизни она много лучше, чем на фотографиях. И воспитана в строгих правилах. Эти старые кантонасские семейства добродетельны, высоконравственны.

– Очень высоконравственны, да. Брак по воле родителей. Способ получить деньги. А в остальном – самый что ни на есть разврат. Еще даже почище, чем в Солт-Лейк-Сити...

– Ну, – перебил меня Лёве, – сложно представить, чтобы кто-нибудь в Солт-Лейк-Сити сделал то же, что сделали вы. Я имею в виду, надежность продукта связана с моральным обликом производителя.

– Полная чушь.

– А что касается вашей идеи ехать на Каститу... я пока ничего не могу сказать... может быть, что-то есть во вспомогательной картотеке... я проверю, когда вернусь...

– Вы принесли деньги?

– Вы как-то невразумительно говорили по телефону. Вы все еще были пьяны?

– Помехи на линии. Тысячу долларов?

– По условиям договора вам могут быть выданы деньги в разумных пределах на нужды образования. *Образования*, я подчеркиваю.

– Это очень широкое понятие.

– Я попросил мисс Касторино взять из банка пятьсот долларов. Тысяча – слишком много. Пятьсот будет более чем достаточно, чтобы достойным образом продержаться до дня рождения.

Лёве вдруг улыбнулся с пугающей сладостью и сказал:

– Кроссворды разгадывать любите, да?

И выудил из бумаг, разбросанных повсюду по комнате, загадку, вырванную из какой-то газеты. Теперь тревожная дрожь билась от крайней плоти до ануса.

– Замысловатая подсказка. Послушайте.

Он прочел, или как бы прочел:

– Вверх – я воду речную гоню;
Вниз – ароматы и краски дарю.

Ответ был очевиден: *цветок*. Но тревожная дрожь подсказала, чтобы я не давал Лёве ответа. Хотя почему? Кетеки я ответил практически сразу. А потом я понял почему. По какой-то причине Лёве пытался меня обмануть. *Вверх* и *вниз* в этой подсказке относились к положению языка при произнесении дифтонгов в словах, соответственно, *flow* и *flower*, *поток* и *цветок*. Такая заковыристая подсказка в кроссворде могла быть только в каком-нибудь лингвистическом журнале, а в лингвистических журналах кроссвордов в принципе не бывает. Лёве улыбался все так же сахарно.

– Ну?

– Прошу прощения, для меня слишком сложно.

Дрожь унялась. Лёве как будто сдулся и стал не таким волосатым и важным. Он кивнул, явно довольный, и сказал:

– Я так понимаю, вы вернетесь задолго до дня рождения.

– Я не уверен, что хочу получить наследство. Вся власть Солт-Лейк-Сити. Хочется чувствовать себя свободным человеком.

— Ох, ради бога, — усмехнулся Лёве. — Никто не свободен. Я имею в виду, выбор ограничен врожденными факторами, предопределенными генетическими шаблонами и так далее.

Он слегка покраснел и добавил:

— Я об этом читал.

— В «Ридерз дайджест»?

Он уже справился со смущением и продолжал разглагольствовать:

— В наше время все размышляют об этих вещах. Все началось с французов. Люди не самые рассудительные, хотя и кичатся своей принадлежностью к якобы самой рациональной нации. Философия оживает лишь в спальне, или за сою au vin⁴, или перед расстрельной командой, уже готовой дать залп.

— Экзистенциальный маринад.

— Хорошая фраза. Вы где ее вычитали?

— Уж точно не в «Ридерз дайджест».

Лёве выглядел грузным, пятидесятилетним и как-то совсем не по-львиному.

Он сказал:

— Что касается свободы, вы не волны не есть и не спать. Разумеется, вы волны прекратить свое существование, но в таком случае свобода теряет смысл. Остается лишь тишина и пустота.

Раньше я никогда по-настоящему не задумывался о том, что сказал далее. То есть, наверное, не задумывался. Я сказал:

— Только в том случае, если мыслить в категориях застывшей структуры. Но если выйти за рамки структуры и устоявшихся представлений, тогда, может быть, вы обнаружите, что там не так пусто и тихо, как вам представлялось. Слова и цвета — абсолютно свободны, потому что они абсолютно бессмысленны. Это я и надеюсь найти в работах Сиба Легера.

Лёве меня не слушал. Он продолжал:

— А превыше необходимости стоит долг. Само ваше имя подразумевает долг. Даже, я бы сказал, означает.

— *Мое имя?*

— «Майлс» означает «солдат». Еще до рождения вас записали в полк вашего рода. Майлс на службе у Фаберов.

— Ну их к чертовой матери, Фаберов.

— Да? А ваш отец представлял, как Фаберы, образно говоря, завоюют весь мир. Вы женились на мисс Ань, ваш сын женится на мисс Макарере, его сын женится на Маймуне-бинт-Абдулла и так далее — до бесконечности. Креативное смешение рас — так он это называл. Говорил, это наша единственная надежда.

— Надежды нет.

— О господи. Вот она, нынешняя молодежь! Так что, ваша шалость на кампусе под лунным светом была всего-навсего демонстрацией нигилизма?! Я думал, вы против чего-то протестовали.

Победитель может быть великодушным и щедрым, и, считая себя победителем, он отсчитал мне четыре банкноты по сотке и пять двадцаток. Я зажал в кулаке строгие президентские лица. В той же самой руке, в которой держал очередную дымящуюся «синджантинку». Я сказал:

— Я не считаю, что я что-то должен абстракции. В смысле, абстракции под названием Фабер. Отцу было плевать на меня. Он даже не захотел меня видеть, когда...

— Попытайтесь его понять. Когда ваша мать утонула, он разительно переменился.

Холодная смерть. Нью-Дорп-Бич. Совсем молодая.

⁴ Петух в вине, национальное французское блюдо (*фр.*).

– Ему было бы трудно на вас смотреть. Вы бы напоминали ему ее. Но он обеспечивал вас. Он и сейчас вас обеспечивает.

– Мисс Эммет все равно не могла заменить мне родителей. Кстати, а где сейчас мисс Эммет?

– Он учредил несколько благотворительных фондов. Вам регулярно выплачивают содержание. Я не знаю всего. Ваш отец нанял нескольких юрисконсультов. Один во Флориде, второй в Вашингтоне…

– Я ведь могу опротестовать этот пункт о женитьбе, да?

– Вам предстоит еще многое узнать до дня рождения. Договорный брак – это не так уж и страшно. Вся французская цивилизация построена на договорных браках.

– Я требую права выбора.

– Требуйте, – милостиво разрешил Лёве, убирая меня в папку для бумаг. – Вы в своем праве. Но впредь – не таким аморальным способом. Это был очень постыдный поступок.

– Бесстыдный.

– И бесстыдный тоже.

Когда Лёве ушел, я позвонил в «Карибские авиалинии» и заказал билет до Гренсайты. Только туда, без обратного. Ближайший рейс – в 22:00. Вылет из аэропорта Кеннеди. Стало быть, у Лёве не было необходимости бронировать мне этот номер в «Алгонкине», за который мне придется платить из своих пяти сотен (каждый цент был на счету). Мы могли бы встретиться прямо на Центральном вокзале, куда я приехал в грязном вонючем поезде из Спрингфилда, штат Массачусетс. Или у него в конторе. С другой стороны, здесь я могу отдохнуть с комфортом, так что затраты окупятся. Я принял душ, достал из дорожного саквояжа чистую рубашку и зеленые летние брюки. Перекладывая мелочь, спички и перочинный ножик из синих брюк, нашел в кармане какую-то скомканную бумажку. Записка фломастером: «Отличный протест. Надеюсь, еще как-нибудь попротестуем. Мир тесен. Вспоминай Карлотту». Как она умудрилась сунуть мне эту записку? Да, конечно, шла адская драка между нашими соучастниками-студентами и вооруженной полицией кампуса. Мы растворились в толпе, поспешно прикрыв функциональную наготу, обличавшую наши преступные личности. Она затащила меня к себе в номер в гостинице «Лорд Камберленд», заказала сандвичи и кофе. Потом меня догнала «Шлеп-нога», и я долго блевал в туалете. Моя нагота, размышаяя я, пока меня рвало и рвало, до сих пор там резвится. Моя акция, подобно пламенной проповеди, распространяется по всему кампусу идиотами протестующими. Фабер, мы вас исключаем. Нет-нет, я сам ухожу.

Приняв душ и одевшись, я отыскал телевизор. Поскольку это был «Алгонкин», телик прятался в монументальном серванте красного дерева. Крепкая литературная традиция, Росс, слепой Тербер, жирный Вулкотт, Дороти Паркер, разругавшая всех и вся. Я переключался с канала на канал, но все было уныло и мутно, словно в честь этих литературных призраков. Завывала какая-то поп-группа в «ливайсах» и грязных клетчатых рубашках. Шел старый фильм со сценой на похоронах. Венки с рыданиями возлагались на гроб под музыку, напоминавшую «Смерть и преображение». Не вызывающий доверия молодой человек в черном говорил хрупкой вдове, облаченной в траур: «Мама, не плачь. Он живет в своих делах и нашей памяти».

Тема насчет продолжения жизни была верна и в приложении к моему собственному покойному родителю, хотя на том, что он сделал, отцовского образа как-то не отпечаталось, и даже мои воспоминания были весьма ненадежны. Я просто не видел его лица. Он жил в своем завещании. Собственной волей, последней волей. И тут я вспомнил, как он погиб. Самолет – «Карибские авиалинии»? – захваченный террористами и направленный в Гавану, разбился при посадке. Куда он летел? По делам, что-то связанное с делами, рассмотреть потенциальные благоприятные возможности в Кингстоне или Сьюадад-Трухильо, может быть, даже в Гренсайте. «Анна Сьюэлл продактс», мое условное наследство.

Я переключился на следующий канал. Какие-то прыжки на батуте в замедленной съемке, спортсмены сонно взлетали в воздух под музыку вальса – «Жизнь художника», «Венская кровь», что-то такое. Следующий канал. Краснокожий индеец в элегантном костюме и шестиугольных очках, гость какого-то телешоу, говорил о племенах вескерини и ниписсингов, которые ныне, увы, живут лишь в названиях псевдоиндийских кустарных поделок, производимых в Висконсине. Когда-то, я вспомнил, эти племена входили в великую семью алgonкинов: восхитительное совпадение. Западная Сорок четвертая улица была индейской территорией; буквально в двух-трех домах от «Алгонкина» стоял «Ирокез», а ирокезы, как всем известно, были заклятыми врагами алгонкинов. Уже погружаясь в дремоту, я вдруг задался вопросом, почему ирокезы и алгонкины похожи на птиц. И дело вовсе не в перьях на их головных уборах; погодите-ка, погодите... да, голуби. Я видел документальный фильм о Берлинской стене, и комментатор в своем комментарии рассказывал, почти умиляясь, о голубях: они летают туда-сюда над стеной, кормятся и на западе, и на востоке, выют гнезда и выводят птенцов в блаженном неведении о горькой идеологии, разделившей город напополам. Граница между Канадой и мятежным Союзом означала для ирокезов и алгонкинов не более чем мимолетное объединение чужаков. Взошел Месяц светлых ночей, следом за ним – Месяц листьев, долгий охотничий год умер с приходом Месяца лыж, опечи и овейса прилетели назад в надлежащее время, квакали дагинды, Гитчи-Гюми, Большая соляная вода, Верхнее озеро волновалось под плетью Мэджекивиса, Владыки ветров, и вава, дикий гусь, кричал над водой «вава, вава». И все бледнолицые на расстоянии неразличимы, все на одно лицо, будь то француз или же англичанин, роялист или республиканец, и все их языки в конечном итоге лживы.

В моем сне возникла беззубая скво, прошла на ощупь, почти вслепую, и вождь в уборе из перьев, длинном, словно ряд клавиш, прогрохотал: «Вот она, та, которая из куку-куту». Совы промчались над ней порывом бури из взвихренных перьев и унеслись, насмехаясь, прочь.

Одна сова опустилась ей на левое плечо, пощатнулась, уселась понадежнее и заговорила, уставившись мне прямо в глаза. «Иза, иза!» – кричала она, насмехаясь. Я пробился вверх сквозь разодранные пуховые перины и проснулся. Лежал, тяжело дыша и ощущая вкус соли на верхней губе, как будто пил текилу. Затхлый дым «синджантинок» прилип к небу, как корка грязи. Долгий день близился к завершению. Перед глазами кружился остаточный образ птиц или ангелов. Это по телевизору шла какая-то передача об охоте в штате Мэн. Потом включилась реклама, что-то серьезное о желудочной кислоте и язве. Я взглянул на часы, но они остановились на 19:17. Я набрал ЯЗЗВА, но ответа не было. Сбитый с толку рекламой, я только потом вспомнил, что ЯЗЗВА – это в Лос-Анджелесе, а здесь, в Нью-Йорке, надо набирать НЕВРОЗ. Что на севере, что на юге, время было болезненным, как Mauer⁵, или параллель, или таксономия. НЕВРОЗ сообщил мне, что пора обедать.

⁵ Стена (нем.).

2

- Индейский (или иллинойский) набор.
- Цыпленок егерский.
- Сардины тушеные.

В любом случае что-то типа того. Сны, размышлял я, предвещают (если они и вправду бывают вешиими) только банальности. В яркой дешевой закусочной на авеню Америк я заказал горячий сандвич с говядиной, а к нему – сладкий, безалкогольный, новый для меня напиток «Куку-кугу», изготовленный в Шони, штат Мичиган. Бутылка в форме совы – грубое изделие начинающего стеклодува, хотя из настоящего зеленого стекла, – на этикетке представлены детали, которые не могли быть отлиты в стекле из соображений экономии и для удобства складирования: глаза, уши, клюв. Напиток был зеленым и пенистым, с легкой горчинкой от ангостуры, ощущавшейся сквозь сахарин. Меня позабавила возможность отомстить той насмешнице-птице из сна, выпив ее подобие – с пузырьками, шипением и прочим.

- Спагетти.

Я ел сандвич с мясом на европейский манер, с ножом и вилкой. Хотя я и американец и у меня есть в подтверждение этого паспорт, в детстве я так долго жил вне Америки, что многие стороны здешней жизни до сих пор поражают меня своей странностью. Зачем, например, сперва резать еду на кусочки, как ее режут детям в яслях, а потом в каждый кусок тыкать вилкой? Инфантилизм? Мамочка с нежностью и одобрением смотрит, как ненаглядное чадо уплетает за обе щеки любовно нарезанные кусочки? Оставшийся со временем Гражданской войны пережиток острой необходимости восполнить пробелы в образовании, так что даже во время еды в левой руке крепко зажат словарь Ноя Вебстера? Или может быть, в левой руке было принято держать вилку, чтобы правая оставалась свободной, готовой выхватить из кобуры револьвер. Жуй свое мясо и одновременно рази врагов. Или, может быть, в прежние времена, в еще дикой стране, предусмотрительный официант на фронтире сразу же отбирал нож, чтобы, когда ты разрежешь мясо, тебе не вздумалось резать глотки. В Америке явное предубеждение против ножей. За завтраком дозволяется лишь один нож, так что клубничный джем отдает ветчиной. Какое-то непонятное остаточное явление.

Очевидно, я вновь прибегаю к проекции.

И был еще этот момент относительно горячего сандвича с говядиной – гипотетического воскресного обеда за полтора доллара. Британцы, среди которых я получил начальное образование, считаются нацией, склонной к преуменьшению идержанности в оценках, но назвать сандвич воскресным обедом – это уже окончательная лягота. Под толстым куском мяса кастрированного бычка, картофельным пюре, помидорным кружочком, горошком и непременным капустным салатом (условно съедобная подпись Духа американского общепита быстрого обслуживания) и вправду лежал пористый, словно губка, кусок белого хлеба, пропитанный густой подливкой, но это была чистая этимология, ничего больше.

– Синхроническая метафора диахронии. Здешний быстрорасторимый суп из пакетика символизирует отрицание истории Новым Светом, тогда как во Франции до сих пор существуют кухни, где суп бурлит на медленном огне все четыре столетия.

Снова Франция. Голос с французским акцентом, быстрая речь. Обладателя голоса я не видел, поскольку в этом заведении, если ты не хотел вкушать пищу на публике за огромной полукруглой стойкой, можно было укрыться за деревянной перегородкой. Я вот укрылся, и говоривший – тоже.

– Итак, хороший мясной бульон закипел примерно во времена Камбрецкой лиги, колбаски в него покрошили, когда Гастон де Фуа сражался в Италии, нашинкованную капусту

– когда Гизы рубили в капусту гугенотов. Несколько новых мясных костей положили в честь Фронды принцев, свежую строганину – в честь Ахенского мира...

Мазохизм? Учитель французского, слишком возвышенный для наших прагматичных классов и потому крайне несчастный и алчущий растворимого супа?

– Шейка – при якобинцах, требуха – кодекс Наполеона, травы и пряности – Эльба.

Явно очень способный, только эта страна не для таких пылких фантазий. Его собеседник отвечал вроде бы на идише – Shmegegge, chaver, – как-то так, но, может быть, это был и не его собеседник. Интересно, что делает говорящий на идише человек в некошерной закусочной? Пора допивать кофе и уходить.

– Медовые абрикосы.

– Телятина европейская.

– Ребрышки южные.

Я обнаружил, что обладатель французского акцента говорил по-английски в миниатюрный диктофон «Имото».

– Снимите с огня, остудите бульон – и история растворится в этом аморфном зловонном вареве, именуемом экономикой природы...

Пухловатый, с блеском в глазах. Может быть, вовсе не сумасшедший. Лет шестидесяти пяти, абсолютно лысый, в дорогом летнем костюме медово-коричного цвета, и если мы представляем себе француза как Вольтера, Клемансо и Жана Поля Сартра, то он был не француз. Рядом с ним стоят кости. Левая рука, похоже, искусственная: пальцы двигались, но казались какими-то керамическими, как у куклы или дешевой религиозной статуэтки. Тарелка с остывшим супом стоит перед ним на столе, покрытом розовой огнеупорной пластмассой, поверхность супа затянута тонкой пленкой жира. Он взглянул на меня и кивнул с какой-то застенчивой самоуверенностью. Я нахмурился, выдохнув дым «синдженкинки». Лицо было смутно знакомым. Это не обязательно значило, что мы с ним встречались когда-то раньше; его самонадеянность предполагала скорее, что я видел его – или должен был видеть – на каком-то публичном выступлении. Может быть, я и вправду видел это лицо в телевизоре, слышал этот акцент на каком-нибудь низкобюджетном ток-шоу из тех, куда приглашают разнообразных эксцентричных личностей: защитников теории плоской Земли, изобретателей вечного двигателя, медиумов с хрустальными шарами, адептов сыроедения и толкователей родимых пятен. Поскольку уже совсем скоро ненасытная телеутроба, стремясь утолить свой аппетит мощностью в двадцать четыре канала и двадцать четыре часа в сутки, проглотит все до единого лица в Соединенных Штатах, большая электронная деревня станет реальностью и незнакомцев уже не останется; выступающий по телевизору будет приветствовать предполагаемого зрителя в электронном контакте, всякая односторонность исчезнет, поскольку зритель и человек в телевизоре будут полностью взаимозаменяемыми. Поэтому я улыбнулся в ответ, заметив у него на столе маленький черный футляр с магнитофонными кассетами, и на крышке футляра потускневшим сусальным золотом было написано, видимо, его имя, хотя совершенно невероятное: «З. Фонанта».

Теперь я увидел, что на идише говорил японец, а его собеседником был, похоже, малаец. Тут все понятно, разгадка проста. В Нью-Йорке многие иммигранты из моноглотов нанимаются официантами в кошерные едальни и радостно учат идиш в полной уверенности, что это английский, а хитрюющие хозяева не спешат открывать им правду.

– A nechtiger tog!

Ночь была странной, какой-то дневной – в раскаленном Манхэттене от Тиффани, походившем сейчас на усыпанный драгоценными камнями гульфик, а завтра он будет похож на усталый пенис внутри синих трусов, извергающий семя в канал Баттермилк (весьма прихотливая, хотя, может быть, и не совсем зрелая проекция) или катетеризованный Бруклинским мостом. Или, скорее, оживший искусственный член, если рассматривать реку Гарлем изоли-

рованно от Гудзона и Ист-Ривер, тонкий нож, отсекающий твое мужское достоинство, белый мальчик. Когда я шел на север, Райкерс-Айленд был где-то справа: крошащая мошонка с весьма уместным в таком контексте мужским исправительным заведением, расположившимся на островке. Я шагал в направлении Сорок четвертой улицы, восхищаясь устремленными ввысь небоскребами, отодвигавшими ночь до предела, и особенно – новым сигарообразным Паркингтон-билдинг в обрамлении двух коротышек, Пенхоллоу-Сентер и Шиллабер-Тауэр. Также меня восхищал массово возбуждаемый потребительский аппетит этой цивилизации, отраженный в ее витринах и рекламных щитах на крышах. Так безопаснее: подвергаться бомбардировке из призывов поесть, сесть за руль, поиграть или вымыть голову шампунем «Золотой локон», чем поставить Медисон-авеню с ее многочисленными притоками на службу идеологии правящей власти. Свободное общество.

Свобода, видимо, выражалась в преступных грабительских действиях, производимых неподалеку от Тридцать девятой улицы троицей лохматых юнцов над стариком с бородой раввина. Никакого насилия, только горячечный обыск в поисках мелочи и банкнот для парней, крайне нуждавшихся в дозе. Никаких злобных пинков: недосуг причинять боль, разве что будет оказано сопротивление. Старик стоял на коленях и плакал. Немногочисленные прохожие поглядывали безо всякого любопытства: это была повседневная «мыльная опера» улиц. На стене позади – надпись мелом: «МЕЙЛЕРА – В ЗАДНИЦУ». Индифферентный рабочий на лестнице выламывает из оконной рамы осколки разбитого стекла.

Опишу здесь свои – а в действительности его – мысли и чувства.

Крепко сидят на игле, целыми днями только и делают, что пытаются раздобыть дозу, это вроде как их работа, потому что нормально работать уже невозможно, да и вряд ли бы кто-то взял на работу вусмерть убитый, изъеденный червями труп, уже ни на что не годный и проявляющий какие-то признаки жизни только при ограблении, чтобы разжиться деньгами на дозу, что наступнее хлеба, наполнить шприц, найти еще не продырявленный участок кожи. Никаких благотворительных грантов на дозу – ни государственных, ни частных. Грабеж – единственный способ, а потому вмешиваться не стоит. Это жестоко, даже если и благоразумно. Их нужда всяко сильнее, чем нужда жертвы, как бы та ни нуждалась. Помочь пострадавшему, когда грабители убегут? Опять же неблагоразумно. Запоздалое появление полиции, привод в участок, допросы. Молодой человек, проявивший хотя бы какое-то сострадание к старику, вызывает подозрение. Это всего лишь телевизионное шоу – то, что ты видел. Сцена из жизни большой электронной деревни. Здесь не место сочувствию. Нам надо учиться чувствовать как-то по-новому, а вернее, не чувствовать вообще ничего. Это единственный способ выжить. К тому же я спешу. Мне надо успеть на вертолет до Кеннеди. Что-то я припозднился, не уследил за временем. Доброму самаритянину можно было быть добрым, имея время и деньги. Он не летал самолетами, не ездил по железным дорогам и скоростным автострадам. Аминь.

Я вернулся в «Алгонкин». Саквояж я оставил в номере, а не у портье, из-за ребяческого желания получить максимум за свои деньги. Так же ребячески я собирался перед отъездом опорожнить мочевой пузырь и не спустить в унитазе воду, словно кот, метящий территорию запахом. У меня очень пахучая моча. Я поднялся наверх. Лифтер, украинец с напрочь отсутствующей шеей, хмурился над результатами бейсбольных матчей в вечерней газете и бормотал:

– Вин совершив передачу от центру поля, чтобы достать бегущего у самой базы.

Войдя в свой номер, я обнаружил там Лёве, сидевшего на кровати и обнимавшего мой саквояж, как собаку. На стуле сидел предположительно штатный сотрудник Лёве, хотя на служителя закона был не похож. Скорее наоборот. Он был без пиджака и без галстука и шумно и беззастенчиво занимался любовью со спелым персиком. Хлюпшиши – сочное взрывное хлюпанье (а не рычание, как у Лёве). Он держал на коленях бумажный пакет, насквозь пропитавшийся соком, под ногами, обутыми в сандалии, валялись персиковые косточки. Он кивнул

мне вполне дружелюбно, моложавый лысый здоровяк с очень широко расставленными глазами наподобие четвертных сфер магнитного компаса.

Я слабо улыбнулся в ответ, испытав смутную радость в каком-то безумном, крошечном уголочке сознания, что в мое отсутствие номер не простоявал зря. Но я сказал Лёве:

– Как и зачем?

Лёве был в белом смокинге и – хотя для такого фасона он явно уже староват – черной шелковой рубашке с собранным в рюш воротником. Он курил панателлу и, судя по тону, репетировал элегантные ритмы послеобеденной беседы. Он сказал:

– Чтобы не беспокоить портье и, уж если на то пошло, избежать встречи с ним, Чарли открыл дверь отмычкой. Инструмент, обладающий аурой респектабельности и массой других несомненных достоинств. Имеет широкое применение в ЦРУ, ФБР и прочих агентствах национальной безопасности.

Чарли, чей нехитрый поступок был так изрядно облагорожен, сверкнул мне зубами в персиковом соке.

– Теперь к вопросу «зачем», – продолжал Лёве. – Я пришел сообщить, что вы не едете на Каститу. То есть не едете прямо сейчас. Я имею в виду, никакой спешки нет. Но сумка уже упакована и вы сами спешите как на пожар. Когда вы упомянули Каститу сегодня утром, это был как бы глухой звоночек. Я позвонил Пардалеосу в Майами. Пардалеос подтвердил то, что было изложено мне в виде смутного… смутного…

– Смутного шелеста незримых крыл?

Лёве проигнорировал мое замечание, но Чарли, кажется, впечатлился. Даже на миг оторвался от персика.

– Необходимо принять определенные меры, – продолжал Лёве, – урегулировать кое-какие дела, прежде чем вы сможете безопасно отправиться на Карибы. Доверьтесь мне. Скажем, два-три дня. Побудьте здесь, отдохните. Чарли останется с вами: он не против того, чтобы не спать сколь угодно долго ради обеспечения безопасности ценного клиента. Я договорюсь, счет пришлют мне в контору. А теперь, как говорится, на всякий случай, будьте любезны вернуть мне деньги. Я ошибся, готов признать. Еще несколько дней, и они вновь будут ваши.

– А вы не готовы признать, – спросил я, – что это как-то не очень по-адвокатски?

Все это время, с Божьей помощью, я придумывал загадку про Пардалеоса. Вот что уже получилось:

Двух римских хищников гибрид,
Но у слогов порядок сбит.

– Послушайте, – сказал Лёве, – я поставил себя *in loco perentis*⁶. А Чарли с радостью встанет *in loco fratris*⁷.

Я сказал:

– Я хочу знать больше.

– Господи боже, – устало проговорил Лёве. – У меня был утомительный день, да и сам по себе этот день был утомительным, согласитесь. Это долгая история. И к тому же – печальная. Будьте пай-мальчиком, сделайте, как я прошу. Я все объясню, но потом. У нас еще будет время. Я опаздываю на ужин. Отдайте мне деньги.

Я знал, что иметь при себе пару-тройку бандитов на жалованье – это, в общем, обычная практика у адвокатов. Точно по Диккенсу. Спаси человека от виселицы, и он будет предан тебе, как раб, до конца дней. Поставь преступные навыки или преступное насилие на службу

⁶ На место родителя (лат.).

⁷ На место брата (лат.).

праву, что означает: отмажь человека от наказания, и не важно, виновен он там или нет. Каким бы я ни был слабым, сейчас я должен был атаковать. Я сказал:

– Деньги в сумке. Я подумал, что так безопаснее. Грабители и все такое. Дайте-ка я...

Я подошел к кровати. К моему изумлению, Лёве не стал возражать. Чарли улыбнулся, откинулся назад вместе со стулом, так что передние ножки поднялись высоко над россыпью персиковых косточек, и достал из пакета очередной мягкий шар, перезрелый плод в темных пятнах. Лёве, уже почти докуривший свою панателлу, похоже, вдохнул в себя всю горечь смолы, что скопилась в окурке. Он положил сигару в пока еще *мою* пепельницу и скривился, как будто надкусил лимон. Лицо Чарли, напротив, выражало дебильный щенячий восторг перед этими четкими сладостями (судя по косточкам на полу, он уговорил уже штук десять). Теперь я стоял прямо над Чарли. Он поднес новый персик ко рту. Я надавил на персик, и тот с хлюпом размазался во всей Чарлиной роже. Толчок был слабым, но его все же хватило, чтобы Чарли опрокинулся на спину вместе со стулом («плоды нежны, как персик сокрушенный» – ДМХ, Джерард Мэнли Хопкинс. Как изысканно кстати иной раз приходит на ум поэтическая строка). Он упал, издал звук, похожий на хрюп, энергично завертел ногами в воздухе, словно крутил педали велосипеда, и одновременно принял сгребать в рот со щек сочную мякоть, как будто считал своей первоочередной задачей не испачкать ковер. Я схватил свой саквояж. Лёве не протестовал: ни попыткой отнять саквояж, ни громогласными увещеваниями. Он лишь рассмеялся. Я подозрительно замер на миг. А потом бросился к двери. Лёве весело крикнул мне вслед:

– Я тебя предупредил, мальчик мой. Бог свидетель, мы сделали все возможное. И теперь тебе надо...

Я хлопнул дверью и замер еще на миг, на этот раз – пережидая что-то похожее на приступ тошноты. Мой взгляд приковала картина в рамке. Рисунок Тербера. Близорукий викарий, вразумляющий моржа. Потом я спустился по лестнице, держа саквояж перед собой как таран: внизу могли быть и другие головорезы Лёве. А что касается возможной погони... но меня никто не преследовал.

В холле было полно народу. Они здоровались, хлопали друг друга по плечам, сколько лет, сколько зим (как Марджи, нормально? Конечно, конечно), вроде как встреча старых друзей, лучшие зубные протезы, которые только можно добыть за деньги. Молодой человек в «ливай сах» вежливо протискивался сквозь толпу, неся кому-то цветочную дань. Я сказал портье за стойкой:

– Мой Лёве, мистер адвокат, сейчас спустится. Моя фамилия Фабер. Он оплатит мой счет.

Портье кивнул с некоторым раздражением, как будто постояльцы, желавшие оплатить счет, отвлекали его от основной работы. У телефона-автомата между стойкой портье и баром стоял мужчина на костылях и что-то быстро и радостно говорил в трубку. Но между нами прошла женщина в шляпке с цветочной данью. Женщина с зубами Элеанор Рузвельт, говорившая кому-то: «Боже мой, боже мой», – и я не сумел разглядеть, хотя, собственно, и не особо стремился разглядывать, был ли это тот самый мужчина, который рассказывал про исторический суп (перед мысленным взором возник дурацкий непрошеный образ буковок из вермишели «Алфавит», сложившихся в ГАСТИНГС и ВАТЕРЛОО, растворяясь в горячем бульоне), или кто-то другой. Тем более он вообще не имел отношения к этой истории. А мне надо было добраться до Кеннеди, причем очень быстро. Кто-то громко обращался к кому-то в баре:

– И вот, как я ему и говорил, у Элвина было смещение диска. В Киссимми-парке. Знаешь, где это?

Тот, к кому обращались, не знал, а я знал; я знал слишком много подобных вещей. На раскаленной Западной Сорок четвертой улице я нерешительно встал среди ожидающих такси. Я не мог себе позволить такси, но уже было понятно, что позволить придется. Времени оста-

валось в обрез, а я не знал, как часто маршрутные вертолеты отправляются с той крыши, где бы она ни была. Нужных вещей я не знал никогда. Швейцар стоял спиной к нам ко всем, наклонившись к водителю автомобиля, отполированного, как ботинок, и длинного, как катапульта, только гораздо приземистее. Потом швейцар повернулся к нам свое дряблое рябое лицо и выкрикнул куда-то в пространство далеко за моей спиной:

— Лимузин до Кеннеди. «Карибские авиалинии», «Удара Индонезия» и «Лофтсакс».

Странные компаньоны для моих авиалиний, но я был счастлив. Благослови, Боже, тот синдикат, который предоставляет такую услугу. Шофер даже вышел, мрачный широкоплечий карлик, и забросил в багажник мой саквояж — для него легкий, как персиковая косточка. В салоне было темно. И всего двое других пассажиров. Наверное, по дороге еще наберут из других отелей. Я присмотрелся к своим попутчикам. Два молодых человека в рубашках с расстегнутым воротом, одетые вовсе не для путешествия на самолете, полностью индифферентные и ко мне, и друг к другу. Шофер расправил свои широченные плечи, и лимузин влился в поток машин.

Не прошло и пяти минут, как меня охватило смутное беспокойство. Да, каждый мастер свое дело знает, но эта дорога казалась не слишком рациональным маршрутом к аэропорту Кеннеди. Сначала, насколько я помнил, надо выехать из Манхэттена на этот большой пласт земли под названием Куинс, переправившись через Ист-Ривер по Вильямсбургскому мосту или по Куинсбуру, как мне представлялось; или же под рекой — по тоннелю Мидтаун. А шофер ехал на север. Вот там, справа, это определенно Центральный парк. А это определенно Бродвей. Мне пришлось нервно проговорить:

— Я далек от того, чтобы учить человека, как ему делать свою работу...

Шофер как будто меня не услышал, но два других пассажира теперь сделались очень общительными. Один из них даже пересел поближе ко мне и доверительно сообщил, дыша мне в лицо запахом пиццы с анчоусами:

— Это правильно, молодец. Очень-очень далек, как ты верно заметил.

Его открытое, неблагонадежно святое лицо расплылось в улыбке. Меня вновь охватило дурное предчувствие, вмиг обернувшееся стыдом за мое неуместное замечание: шофер знал, что делает. Безусловно. Я пробормотал:

— Я знаю про мост Трайборо, но по нему — на Ла-Гуардиа, и я подумал...

Второй молодой человек перебрался теперь на кресло прямо передо мной и сидел, обернувшись ко мне, положив руки на спинку. Если рассматривать носовую перегородку как радиус, тогда его ноздри располагались градусов на пятнадцать выше нормального. Он сказал:

— Не говори мне о мостах, у меня вон стоит мост, только, зараза, не держится.

Он открыл рот, и четыре верхних передних зуба выпали единственным курьезным клином. Он засосал их обратно, старательно изображая удовольствие от процесса. Шофер проговорил, не отрывая глаз от Девяноста шестой — да, похоже на то — улицы впереди:

— Вы только сиденья мне там не испачкайте, парни.

— Да, вот здесь уже можно, Джек, — сказал парень с лицом святого. — Вот прямо здесь.

Лимузин подъехал к обочине. Я спросил с горечью в голосе:

— Вы от Лёве, да?

Они учтиво махнули, чтобы я выходил. Парень с зубным мостом достал из багажника мой саквояж. Они учтиво махнули шоферу, что можно ехать. Мы стояли на Бродвее у какого-то кинотеатра, где шел фильм «La Forma de la Espada»⁸. Повсюду вокруг, в ярких сполохах света, топтались какие-то мрачные личности средиземноморской наружности. Парень с зубным мостом учтиво протянул мне мой саквояж. Я взял и, как ожидалось, ударил им в живот второго парня. Они пришли в полный восторг. Я первым применил насилие. Они радостно

⁸ «Форма сабли» (*исп.*).

вырвали у меня саквояж, открыли его и принялись раздавать мои вещи беднякам даго. Пачку «Синджантина» они поделили между собой. Я вконец распиховался и, как ожидалось, полез в драку с обоими сразу. Они рассмеялись. Парень с лицом святого сказал:

– Из Манхэттена многое дорог. Вот например.

И они принялись за меня на глазах у индифферентных прохожих, изъяснявшихся в основном по-испански. Разок в мост Трогс-Нек, еще разок – в дамбу Роберта Мозеса, хороший тычок в Таппан-Зи, два наудачу – в Геталс, и финальный аккорд – в Хелл-Гейт. Все это было прелюдией к тому, чтобы отнять деньги. Зубной Мост держал меня в болезненном захвате, а тот, который с лицом святого, словно желая пощупать меня за яйца, просунул руки сзади и вытащил почти все мои пятьсот долларов. Смачно поцеловал пачку банкнот, как будто какую-то священную реликвию, а Зубной Мост в шутку замахнулся моим саквояжем на стайку латинских детишек, которые бросились прочь, даже не огрызнувшись в ответ.

Они били не слишком больно. Просто играли на бутафорских клавишиах, исполняя ритуал, обязательный перед любым ограблением, и не более того. И что, черт возьми, мне теперь было делать? Я пересчитал мелочь, оставшуюся в глубине кармана. Три монетки по десять центов, четыре-пять пятаков, два четвертака, несколько одноцентовых кругляшков (окруженных, словно святой образок, аурой неразменности), полдоллара с портретом Кеннеди. Там был бар, рядом с плакатом «La Forma de la Espada». Я зашел и направился прямиком к длинной заляпанной стойке. Какой-то мужчина заказывал пинту пива.

– Тебе чего, приятель? – спросил бармен.

– Пинту пива.

Там была крупная блондинка в тесном летней платье с психodelическим узором и огромными пятнами пота под мышками. Она стояла у стойки с пустым стаканом, в котором, похоже, был раньше коктейль «Александра». Дерзко взглянув на меня, блондинка спросила:

– Тебя, что ли, били?

– Да. Ограбили и избили.

– Плохо дело, – сказала она без особенного сочувствия.

Я подвинулся ближе к ней, прихватив свою кружку с пивом. Мне нужно было так или иначе раздобыть денег.

3

Она ввела меня в волшебный гrot⁹, каковой оказался квартирой на Риверсайд-драйв, на третьем этаже. Но сначала мы долго сидели-общались за грязным столом в мрачном и мало-приятном углу того самого бара. Ее автобиография: жизнь молодая и полная самых радужных перспектив безнадежно загублена мрачными, малоприятными мужиками. Она охотно меня угощала и покупала мне выпивку всякий раз, когда брала выпить себе – в основном убойные смеси типа водки с зеленым шартрезом; ром и джин с гренадином; бенедиктин с коньяком. Ее хорошо знала местная администрация: запас экзотических напитков в баре явно держали исключительно для нее. Мне же, прелестному мальчику, как называла меня она, нужна была вовсе не выпивка: мне хотелось втереться, ввалиться, завалиться, по-быстрому отвалиться и свалить с неким количеством крупных купюр, что лежали в ее сумочке. Лёве – или, может быть, случай, который в конечном итоге отнюдь не случаен, – меня задержал, но я не собирался задерживаться надолго. Не дольше ближайшего подходящего рейса, который, как мне представлялось (и скоро я это проверю), вылетал на рассвете. А рассвет по тогдашнему времени года был уже не за горами. Лёве крепко сглутил, намекнув на какую-то тайну и заявив, что никакой спешки нет. Потому что мне сразу же захотелось разгадать тайну в спешном порядке. Я не мог больше задерживаться с выяснением, почему меня принудительно задержали – если это и вправду была принудительная задержка. Я почти забыл Сиба Легера: он стал просто устрицей в раковине, с которой Лёве ободрал перламутр. На тот момент главный вопрос был такой: на сколько в твердой наличной валюте потянет порция моего твердого мужского достоинства с точки зрения этой женщины?

Которую звали Ирма.

– И он сказал: *Ирма, ты шлюха*. И тут я заплакала, потому что ведь он же знал: это неправда. Ты еще слушаешь?

Я еще слушал. Все мужчины в ее жизни были свиньями, перед которыми она метала пресловутый бисер, сокровища тела, ума и души, и у нее есть художественный талант, все так говорят, она собирает картины из всяких штуковин не хуже, чем у Раушенберга, а мужчины ее загубили. И где тут связь? Ирма трижды была замужем, и все трое мужей, как один, были сволочи и козлы, а теперь она живет на алименты (жирные, я бы сказал, алименты), но ее все равно загубили. Ну-ну, бедная, бедная Ирма.

– А теперь у меня есть Честер, и он *хороший* и хочет меня любить, но не может, понимаешь, о чём я?

Да, я все понимал: загубленная жизнь. Ирма была примерно одних лет с подбившей меня на протест аппетитной Карлоттой, но грубее, мясистее – и не с таким крепким бюстом. Острый запах ее пота на этой предлюбовной стадии даже слегка возбуждал – такой приглушенный двойственный рокот.

– Вот именно, что загубленная. Очень верное слово. Это мамаша его виновата, детство загублено напрочь, и теперь, когда ему хочется сделать это нормально… ну, понимаешь, нормально… ты еще слушаешь?

– А как тут не слушать?

– Ему вроде как что-то мешает.

Ее совсем не шатало, хотя она изрядно приняла на грудь. Мы вполне трезво и твердо прошли пешочком до Риверсайд-драйв. В маленьком лифте она обняла меня, скажем так, функционально и снова назвала прелестным мальчиком. Когда мы зашли к ней в квартиру, она сказала, что ей надо позвонить, а телефон – в спальне. На стене висели ее картины.

⁹ Дж. Китс. La Belle Dame sans Merci. – Прекрасная безжалостная дама (*фр.*). – Пер. В. В. Левика.

Ты пока посмотри, сказала она, и увидишь загубленный талант. Талант, размышлял я безжалостно, поскольку юность не знает сочувствия, был загублен в зародыше. Она налепила на холст вырезки из журналов, в основном фотографии космонавтов, мускулистых качков в разных позах, солдат в противогазах времен Первой мировой войны, политиков и тому подобное, объединила разрозненные элементы прожилками красной краски и добавила речевых пузырьков, как в комиксах (БДЫЩ, ОПА, БУМС и так далее), написанных толстым маркером. К моему изумлению.

Но к моему изумлению, среди вырезок я обнаружил кусок страницы книжного обозрения из журнала «Видд», предположительно взятый в коллаж вовсе не из-за колонки текста, а из-за рекламы вишневого ликера «Черри хиринг» (согревающего душу, хотя и со льдом), и рядом с той самой колонкой текста была фотография моей аппетитной знакомой и напарницы по протесту. Вся такая серьезная, в свитере и жемчугах, с подписью «КАРЛОТТА ТУКАНЬ» (господи, это какая же национальность?) и заголовком: «Сдвиг кверху». Я прочел:

похоже, сейчас, когда сексуальный позыв человечества сжался в испуге перед ударной волной демографического взрыва, которая мчится на запад, сметая все на своем пути, центр или центры эротического удовольствия могут свеститься исключительно к молочным железам. У пышногрудой Летиции, героини романистки Тукань, есть все, что нужно для подобного сдвига кверху. Жаль, что само произведение не соответствует этому аппетитно упругому изобилию. Прозе, колышущейся, но дряблой, недостает ни характера, ни остроты. При всем соблазнительном очаровании концепции, или же контрацепции, с точки зрения стилистики «Охотника до буферов» можно рассматривать как полный провал.

И все. Начало, наверное, было на обороте, приkleенном к холсту. На оставшейся части страницы начиналась другая рецензия, столь же язвительная и злая, на книгу «Племянники президента» (652 страницы, Эйнбрух. \$9,95), в которой автор по фамилии Блютшанде¹⁰ яростно, долго и нудно обличал, как это явствовало из названия, семейственность в государственной власти. Было никак не возможно узнать, насколько давним был выпуск «Видда», но в тот вечер Карлотта выглядела точно так же, как здесь, – такая же пышногрудая и все дела. Поучаствовать в акции сексуального протеста с настоящей женщиной-романисткой, чья фотография напечатана в «Видде», – тут есть чем гордиться, есть от чего испытать восторг и душевный подъем. И она совсем не такая, какой была ее проза, по мнению автора этой рецензии.

– Ты там где?

Это Ирма кричала из спальни, пока я разглядывал книжные полки. Миченер, Рибинс, Мейлер, Генри Мортон Робинсон, «Позолоченная тетрадь», но ни одной книги Карлотты Тукань. Ну, времени было навалом: я еще молод, и у меня все впереди. Так что я вошел в спальню и обнаружил там полностью одетую Ирму, возлежащую на огромной четырехспальной кровати.

В комнате пахло приятной смесью ароматов: коньяка, кокосового масла, женского пота и «Калеш». Я разделся догола и принялся раздевать Ирму. Я знаю, читатель желает иметь право допуска к наблюдениям за любым сексуальным действом, которого требует ход повествования (а он требовал – и очень даже, ведь от этого зависела моя поездка на Каститу), но я всегда как-то стеснялся того, что профессор Кетеки в своей перегруженno замысловатой манере называл квазиритмической половозрелой активностью. Так что могу предложить лишь вульгарно фригидную символику, опошленного Блейка и скажу только, что она лежала, раскинувшись в этой постели, подобно Лонг-Айленду, на голубых простынях, а я ласкал местность вокруг

¹⁰ Кровосмешение, инцест (нем.).

Уонто и Ист-Норвича, пока те не вспыхнули светом, а потом я заплескался, как воды залива Фландерс, взбудораженные буйными беспорядками в Риверхеде. Разумеется, не в Риверхеде Амхерста, это было обычное совпадение. В конечном итоге скорее по ее желанию, нежели по моему, Манлингамхэттену, хоть и сохранившему верное место на карте, пришлось слить свои прорвавшиеся реки в трепетные объятия мембран Джерси-Сити и Южного Бруклина. Пушки в парке Баттери приготовились дать залп, и тут до меня вдруг дошло, что довольные мужские стоны издаю вовсе не я, поскольку они доносились откуда-то со стороны. Корабли в Верхней бухте торжественно грянули из всех орудий в многократном раскатистом благодарении, и я в два гребка выплыл на берег и увидел голого мужика, выходившего в спальню из ванной. Ирма смахнула с себя мое тело и протянула руки к мужчине. Он протянул руки к ней. Она воскликнула:

- Честер, солнце мое! Было так хорошо!
- Ирма, мое божество, моя девочка.

Они принялись ласкаться и тискаться, извиваясь в постели, и я понял, что меня *использовали*. Честер вошел в квартиру с собственным ключом, спрятался в темной ванной, пробравшись туда из гостиной, и предался не литературному, а литературному, то есть буквальному, вуайеризму. Головка его члена влажно поблескивала в розовом свете ночника, пока он наслаждался посткоитальной истомой, угнездившись рядом с Ирмой. Мне, как эксгибиционисту, приходилось бороться с чувством удовлетворения, чтобы по-настоящему разозлиться. Я был искусственным членом; одним из этих японских секс-роботов, жутко сложных и запредельно дорогих; я был одноразовой эманацией Честера, пригодной для секса, но безымянной. Я бы избил их обоих, лежащих в постели и почти не сознающих мое присутствие, как если бы я был персонажем какого-нибудь полуночного телешоу. Да, я бы избил их обоих, если бы Честер не был таким огромным и мускулистым, пусть даже и лысым и немолодым. Но в любом случае я имел право на возглас:

- Деньги. Я требую денег.

Честер опешил. Он потрясенно уставился на меня своими большими темными глазами и заорал, прижимая Ирму к себе:

– Хочешь все испоганить?! Осквернить нашу любовь?! Гнусная, грязная проститутка мужского пола!

Несмотря на красивые риторические фигуры и высокие чувства, слово «гнусная», которое он произнес почти, но не совсем как «грустная», отдавало чуть ли не трогательной дешевкой. Я сказал:

- Не смешь мои яйца, если ты знаешь, что это такое.

Свои собственные я запрятал в штаны, прямо на глазах Ирмы и Честера, и быстро оделся, отмежевавшись от этой убогой сентиментальной возни. Закрыв глаза, Ирма проговорила тоном ленивого превосходства:

- Некоторые мужчины, Честер, не знают, что такое любовь.
- Наверное, ты права, моя радость.
- Их можно лишь пожалеть.
- Да, пожалуй.
- Пусть забирает все из моей сумки. В пятницу – алименты.
- Я хочу получить кое-что и от Честера, – сказал я. – Чтобы по справедливости. Он-то с меня получил немало.
- Возмутительно, – сказал Честер безо всякого возмущения.

Я понимал, что, по его представлениям, должно возмущать его в первую очередь: что я с такой фамильярностью обратился к нему по имени, в то время как он, будучи голым, находился не в том положении, чтобы отстаивать собственное достоинство. Он был маменькиным сыночком, невзирая на лысину и мощное телосложение, и, как я понимаю, воспитывался в таких пра-

вилах, которые давно устарели. Он еще не усвоил нормы социального взаимодействия, соответствующие его сексуальным потребностям. И сейчас имел полное право говорить со мной очень грубо. Но рядом с ним была Ирма, а Ирму он любил и уважал. Когда я оделся и приготовился выйти в гостиную на поиски денег, он обнял Ирму так, словно хотел защитить. Как будто я мог сейчас вытащить пистолет или же запустить в спальню его мамашу.

В Ирминой сумке нашлось меньше сотни долларов. И никаких припрятанных на всякий случай банкнот, засунутых в ящики или вазы: я искал очень тщательно, осмотрел даже загубленные коллажи – мало ли, вдруг в ее пошлых безвкусных конструкциях попадется случайное проявление хорошего вкуса в виде зеленой бумажки. Но нет. Недовольный и злой, я отодрал, что сумел отодрать, от рецензии на «Охотника до буферов». Главным образом это была фотография Карлотты, чего я, собственно, и хотел. Даже не знаю, зачем мне понадобился этот снимок. Молодость, хвастовство, сочинение эпиграммы про историю и истерию. С выдраным куском коллаж смотрелся гораздо лучше. В карманах брюк Честера обнаружилось лишь несколько мелких монет по десять и пять центов; в бумажнике в пиджаке – две пятерки, десятка и кредитная карточка «Дайнэрс клаб», которую я повертел в руках с мыслью к рукам же прибрать, но вовремя понял, что это уже прямой путь к щекотливому криминалу. Нет, мне пришлось удовольствоваться скромной суммой в 115 долларов 65 центов. Маловато, если учесть, как много я сделал для них и для их любви, как они сами это называли. Я вернулся в спальню и объявил:

– Прошу прощения, что мешаю вашему психотическому экстазу, но мне надо позвонить.

Их истома неудержимо сходила на нет. Они умильно смотрели на меня совершенно щенячьими, умоляющими глазами. Они снова нуждались в моих услугах, но как они будут расплачиваться? Мир жесток; факты экономической жизни безнадежно жестоки. Я присел на край кровати под прямым углом к Ирме, и, пока я листал телефонный справочник, она робко просунула палец мне между ягодицами. Я проигнорировал данное пополнование. Дозвонился до «Карибских авиалиний» в Кеннеди, выяснил, что у них действительно есть утренний рейс, спросил, сколько стоят билеты, и понял, что мне не хватит даже на экономкласс. Поэтому я велел Ирме вытащить палец из моей задницы и наехал на Честера по поводу прискорбной нехватки наличности у него в кошельке. Но Честер был кроток и дружелюбен. И даже выразил готовность помочь советом. Он сказал:

– Тебе надо поехать в Майами и отработать проезд. Там все побережье заставлено миллионерскими яхтами. И на островах тоже. На Ки-Ларго, где снимали фильм с Богартом, на Пиджене, на Нижней Матекумбе. Там всегда рады парню, желающему прокатиться в Вест-Индию, если он услужливый, старательный и воспитанный. Им нужны люди работать на камбузе, развлекать скучающих жен и так далее.

– А ты отработал себе проезд? – спросил я.

– Я на камбузе вкалывал, – сказал он. – Уехал из дома, подался в Саванну-ла-Мар. Потом вернулся, не хотел разбивать сердце своей старушке.

– Ну что, Честер, – сказала Ирма, тиская мое бедро, – может, опять сходишь в ванную?

– Ты давай позови в Ла-Гуардиа, – продолжил Честер. – Авиакомпания «Унум». Они часто летают в Майами. Думаю, ты еще можешь успеть на рейс в шесть утра. Позвони и узнай. У них там «плурибусы», вроде как аэробусы, но не такие большие, поменьше. Но они хорошо зарабатывают на названии¹¹. В свое время я тоже работал с этими «плурибусами». Оно, кстати, и патриотично. Я писал им рекламные материалы.

– Это ваша работа? Подвизаетесь в рекламе?

¹¹ В названии авиакомпании и ее самолетов обыгрывается латинское крылатое выражение «E pluribus unum» («Из многих – едино») – девиз, размещенnyй на гербе США.

– Прошу прощения, – проговорила Ирма, – а ничего, что я здесь сижу? Может быть, мне уйти, и вы, мальчики, сможете мило поворковать?

– Кое-что из моего есть в подземке, – сказал Честер. Его нагота и вялый, словно поникший ковыль, член (любовь у мужчин ковыляет далеко-далеко позади профессионального призыва) были теперь просто обыденным атрибутом мужской раздевалки. – Соленая рыба от Фолли. У них был «Мастак на соленья», а я предложил: Мастаковский, Реджинальд Мастак-Слюнки-Текут, ван Мастак, О'Мастак и Макмастак, гип-гип-ура!

– Моему папе такое бы точно понравилось, – сказал я.

– Да? А меня теперь называют Мастаком на все мастаки.

– Честер, – резко проговорила Ирма.

– Да, солнышко. – Честер, не глядя, погладил ее, словно какого-нибудь чихуахуа-переростка. – Как насчет яичницы с ветчиной? После такой-то зарядки. Что-то я проголодался.

Он улыбнулся мне и даже вроде как подмигнул. Как будто Ирма была искусственным членом, или катализатором, или машиной, предназначеннной для того, чтобы свести нас с ним вместе. Биологический позыв хотел быть стремлением к социальным контактам, но мог достичь этой цели, только будучи перенаправленным на запасной путь постыдного онанизма. Огромные структурные механизмы грохочут вдали, все сообщения закодированы. Ирма притворилась спящей, повернувшись к нам обоженным задом. Честер, теперь одетый и вполне себе светский, пожарил яичницу с ветчиной и рассказал мне о полном провале затеи с кошерной ветчиной, синтетическим продуктом со вкусом одной только ваты и соли. Ее рекламой он не занимался.

4

Рассвет, он не для персональных насилистических действий, а только для коллективного убийства посредством дисциплинированных эскадронов, так что я без особого страха шел к станции Ист-Сайд. Старался шагать бодро, подражая гипотетическому хрому Ирмы, хотя чувствовал себя выжатым как лимон и остро осознавал степень своей общей хрупкости. Достойный завтрак Честера обосновался вполне комфорtabельно, метафорически ковыряя в зубах. Аврора, Аврора – думается, думал я – подходящее имя для грохочущего вторжения неприятельского рассвета, но как назвать это чудо из хрупкого света над городом? Эолитический, да: уходящие в небо башни – сплошь родохрозит, родомель, рододендроны и с перстами пурпурными Эос. В голове раннего утреннего прохожего всегда должна звучать минорная первая струна, напоминая о том, что эта невинная красота нравственно столь же бессмысленна, как Рождество, и что дневное насилие, предательство и вульгарность уже разогреваются – или подогреваются, – как остывшие вчерашние пирожки. О да, размышлял я печально. Вы продолжайте держать в голове, что я был очень молод.

Я сел в автобус до Ла-Гуардии и вскоре понял, что один из пассажиров интересуется мною больше, чем надлежит незнакомцу в рамках приличий. Может быть, мы знакомы? На нем был легкий черный костюм, как для летних похорон; ткань переливчатоискрилась на свету. Лицо было тяжеловатым, так что обвислые щеки тряслись в чуть запоздалом согласии с тряской автобуса; бледные глаза навыкате – словно два водяных пузыря. Он сидел через проход от меня и каждый раз, когда я настороженно поглядывал в его сторону, внаглу отводил взгляд. На коленях у него лежала книжка в мягкой обложке, «Голубые дали (и дадут еще)» – исследование неестественных отклонений в высших кругах Америки, с многозначительными разоблачениями, весьма популярная в то время. Когда мы прибыли в Ла-Гуардию, он сунул книжку в боковой карман, взглянул на меня как-то недобро, вышел и исчез. Может быть, похороны, на которые он приоделся, все-таки не мои, подумал я. Но, войдя в «плурибус» на Майами, все равно настороженно оглядев, нет ли где этого человека. Его нигде не было: может быть, он летел в Бостон или куда-то еще.

Самолет, даром что «плурибус», казался не больше любого из тех, какими я летал раньше, разве что сидений здесь было больше. Но народу в Майами летело не много, так что я получил в мое полное распоряжение целый ряд кресел в салоне экономкласса. Подали завтрак, для меня лично уже второй: кофе, ананасовый сок и какое-то липкое пирожное, – а потом я задремал. Мне снилась мисс Эммет. Может быть, потому что Лёве упомянул о ней в нашей вчерашней беседе. Она что-то бурчала себе под нос с явным неодобрением, протирая губкой липкую пластиковую столешницу, залитую густым белым супом. На мисс Эммет были мои пижамные штаны, и даже во сне я восхищался экономичностью ее образа. Милейшая мисс Эммет с талией, вечно затянутой в жесткий корсет, с ножницами, что постоянно болтались на поясе, с рыжей кошкой Руфой, звавшейся Руфусом до своей первой и единственной беременности; мисс Эммет с ее страстью грызть колотый сахар и хрустящие рассыпчатые безе, с ее четырьмя сигаретами «Ханидью» в день. В моем сне она запела свою единственную песенку «Будешь ты летней моей королевой»,

когда закончила вытираять стол (почему пластик? В нашем доме в Хайгейте было только добротное крепкое дерево, дуб и сосна) и начала собирать мои сумки, потому что мне было пора возвращаться в начальную школу Святого Полиэрга при колледже Божественного Спасения (тюдоровское учреждение в Редруте, в графстве Корнуолл). Она набила все сумки яйцами, сваренными вкрутую. Сон напомнил мне о единственной кулинарной несостоятельности мисс Эммет. Она никогда не умела варить яйца всмятку, как бы я ни просил и ни ныл; она ставила яйца на плиту, потом шла звать меня и совершенно про них забывала. У нее у самой был крутой нрав. Грозная женщина, этакая старая карга.

Почему-то мне стало тревожно от этого сна, и эта тревога заставила меня проснуться, хотя истинная причина была чисто физиологической: кофе, выпитый за завтраком, сделал свое мочегонное дело. Я встал и пошел в хвост самолета. В кухонном отсеке две бессодер-жательно-хорошенькие стюардессы в форме бирюзового, ало-го и грязно-белого цвета занимались заказанными напитками: на жаркий юг пассажиров не много, работы – всего ничего. Тем не менее, несмотря на малочисленность пассажиров, над одной из туалетных кабинок горела табличка: «Занято», – и продолжала гореть, когда я вышел из кабинки напротив, где долго и обстоятельно отливал, а потом еще пару секунд ужасался своему отражению в зеркале (в Майами надо будет купить бритву: если я собираюсь наняться на яхту, нельзя выглядеть как опустившийся бомж). Возвращаясь на место, я увидел на одном из пустых сидений ту самую книжку про голубых. Увидел и вздрогнул. Хотя книжка, конечно же, популярная. Но я все равно разволновался и призадумался, уж не мужчина ли в черном прячется там, в туалете. Может, он правда за мной следит. Агент Лёве, не препятствующий тому, чтобы я добрался до американской границы в своем паломничестве на Каститу. Может быть, это была проверка перед вступлением в наследство – испытание моего интеллекта и инициативности, предусмотренное завещанием отца?

Очень хотелось курить, а «синджантинки» закончились. Все из-за этих вороватых уродов. Я вызвал стюардессу, и в итоге меня осчастливили бесплатной подарочной пачкой «Селима» из четырех сигарет. Мисс Эммет как раз хватило бы на день, будь это не «Селим», а «Ханидью». Вкус сигарет был водянистым, без каких-либо смол или канцерогенов благодаря целой миниатюрной фабрике, встроенной в фильтр. По крайней мере оральное насилие в современной Америке уничтожено.

Когда траектория «плурибуса» превратилась из параллели в гипотенузу, я убедился в беспочвенности своих страхов. Мне пришлось снова пойти в туалет (залив Юпитера, пляж Юноны), и по пути я увидел, что «голубая» книжка теперь читается, но не скорбящим мужчи-ной вискрящемся летнем трауре, а женщиной средних лет, одетой в цвета граната и лайма, с огромными обожженными ручищами. Так что все (Лентана, Гольфстрим, Виллидж-оф-Гольф) было в порядке, что как будто бы (Рока-Батон, Хью-Тейлор-Берч) подтверждали две светящиеся таблички «Свободно». Я думал отлизть, совершив что-то вроде ликующего возлияния, но, к моему вящему ужасу, вместе с мочой пошла кровь. Почему кровь?! Что такого я с собой сделал, что не так в моем теле? Я взглянул на свое небритое испуганное отражение, губы чуть приоткрылись, и мне показалось, что верхний правый резец стоит как-то неровно. Я потрогал его языком. Зуб слегка шатался и как-то странно вывернулся в десне. Со мной явно что-то не так.

Зажглась табличка «Вернитесь на место». Я кое-как доковылял до своего кресла, застегнул ремень трясущимися руками. А потом дрожь прошла. В конце концов, у каждого что-нибудь есть, стопроцентно здоровых людей не бывает. Кровь еще ничего не значит: просто я перебрал в баре с Ирмой. В драке за деньги и сумку меня избили, пусть и не слишком сильно: этим, наверное, и объясняется расшатавшийся зуб. Может быть, он еще закрепится, если мас-сировать десны. Иной раз насилие даже полезно, оно как бы включает наружный свет – с наси-

лием всегда знаешь, где ты есть. В каком-то смысле насилие справедливо, чисто и человечно, как музыка. Бояться надо процессов несправедливых, происходящих во тьме: зубов, выпадающих (Форт-Лодердейл) из здорового рта, ублажаемого зубной нитью и освежаемого мятными ополаскивателями; язвы желудка (Холлендейл) у тех, кто каждый день пьет молоко; рака легких у ненавистников табака.

Мы прошли очень низко над ипподромом в Хайалии, и вот уже показался Международный аэропорт Майами – в душном мареве чудовищно тяжеловесного лета. Я отстегнул ремень, когда мы приземлились и долго катились по взлетно-посадочной полосе. А потом – как, черт возьми, у него получилось все это время оставаться невидимым, я просто не понимаю; может, все дело в черном костюме? – он материализовался в проходе у меня за спиной и сказал:

- Давай-ка присядем.
- Какого черта? Вы кто такой?
- Ты садись, и я все объясню.

Я сделал, как он сказал. Все-таки любопытно было узнать, для чего затевалась вся эта игра. Я сказал:

- От Лёве, я так понимаю?

У него была довольно приятная манера речи, с приподыканием и понижением тона, как говорят в Бронксе:

– Не напрямую от мистера Лёве. Я больше на мистера Пардалеоса работаю. Но мистер Лёве, он тоже имеет касательство, да. Сейчас мы поедем к мистеру Пардалеосу, увидишься с ним.

Он удобно устроился в кресле рядом со мной, достал зубочистку и принялся чистить ногти.

– Та с Риверсайд-драйв, ну, с которой ты был, она позвонила мистеру Лёве, а потом, видишь, подключился и мистер Пардалеос.

- Ирма? Она тоже в этом участвует?

- Может, и Ирма, а может, и как-то еще, в таких операциях имена не всегда что-то значат.

Столько звонков вчера вечером... Видать, ты важнее, чем кажется.

- И вы везете меня к Пардалеосу?

– Ну, скажу тебе честно, мое участие в этом деле могло бы закончиться еще в Ла-Гуардии, когда я увидел, как ты покупаешь билет и объявляешь во всеуслышание, куда летишь и чего. Я позвонил мистеру Пардалеосу, как было велено, но говорил не с ним лично, он же спал, тут-то рано еще; в общем, я позвонил, а они говорят – совпадение, мол.

- Что? Кто?

– Я им говорю, у меня похороны в Сайпресс-Хиллс, а они мне: сначала живые, а уж потом мертвые. Вы о ком, говорю? И тут выясняется: им позвонили из какой-то авиакомпании, что вроде как тот самый Гусман летит чартерным рейсом обратно в Охеду. Гусман! Через столько-то лет! Каково тебе, а?! Я вообще похороны не люблю, пусть даже приятеля провожаем. Получил в шею три пули, а все кругом просто стояли, смотрели. Так что я провожу тебя к мистеру Пардалеосу, он тебя встретит за завтраком, истинный аристократ. Провожу, стало быть, и поеду брать Гусмана.

- Вы что, из полиции?

– Ну насмешил. Насчет законности можешь не волноваться, у нас все легально. Верну Гусмана куда надо, все чин чинарем.

Он серьезно кивнул и убрал зубочистку в карман рубашки; кивок означал, что я могу полностью доверять этому человеку. Самолет уже подрулил к стоянке, и я знал, что нет смысла настаивать на своем праве войти в аэропорт свободным мужчиной, ну или мальчишкой. Мой конвойир в черном наряде, надетом с намерением, каковое, похоже, ему уже не придется осуществлять...

– Вы скорбите о нем, и это главное.

– О ком еще? А, понятно. И потом, это самое то: брат Гусмана в таком наряде. Вроде как правильно и соответствует случаю.

– «И все обличья, виды, знаки скорби»¹².

– Хорошо сказано, очень верно. Хотя костюм-то один-единственный. Одного черного костюма человеку вполне достаточно. На всю жизнь хватит, если особенно не разъедаться.

Чуть ли не ласково взял меня под локоток, когда мы выходили из прохладного самолета в прохладное здание, человек в черном быстро повел меня по бесконечному коридору, мимо залов у выходов на посадку, где толпились довольные, шумные, загорелые люди, мимо прилавков и бутиков, где полет еще не был (пугающим, восхитительным, апокалиптическим) передвижением по воздуху, а оставался простым и тихим вопросом денег, килограммов и кодовых номеров. Мы подошли к дверям ресторана под названием «Саварен». Ресторан был переполнен людьми, поedaющими завтрак (интересно, а время завтрака, оно вообще никогда не кончается?), и провонял кофе, как ночлежка в Рио.

Человек в черном сказал:

– Вот он, видишь?

Произнес чуть ли не с благоговением. Поправил одной рукой черный галстук, а другой подтолкнул меня в спину. Хотя ресторан был набит посетителями, алчущими вкусить завтрак, и свободных мест не было в принципе, Пардалеос сидел за отдельным огромным столом и неспешно обсуждал меню с чернокожим официантом, как будто сейчас было время обеда и к выбору блюд следовало подойти обстоятельно и серьезно. Он был совсем не похож на грека, во всяком случае, на типичного смуглого и низкорослого грека: светловолосый и бледный, почти альбинос, в дорогом костюме из блестящей ткани цвета клюквы. Не простой смертный, но небожитель.

Мой провожатый сказал:

– Вот он вам и нужен, мистер Пардалеос, а я, с вашего любезного разрешения, займусь другим делом.

Пардалеос кивком отпустил его, сверкнув контактными линзами, встал, продемонстрировав хорошо сложенное тело ростом пять с половиной футов, пожал мне руку – о жесткий поцелуй перстней! – и вежливо указал на стул: мол, садитесь. Я сел. Мой провожатый робко похлопал меня по плечу и ушел. Мистер Пардалеос сказал:

– Здесь готовят весьма неплохой омлет с почками. Давайте закажем, предварив его frullato di frutta¹³ с вишневым бренди. Как вам такой вариант?

Голос совсем без акцента, абстрактно интеллигентная речь, очищенная от всех классовых и региональных примесей. Ему было за сорок.

Я сказал:

– Я уже завтракал, даже два раза.

– Вы не считаете, что еще слишком рано для пинты шампанского?

– Пожалуй, что слишком. Но мысль превосходная.

Он улыбнулся древнегреческой архаичной улыбкой и заказал себе завтрак, который значительно отличался от предложенного для нас обоих: кеджери из форели под соусом чили, пирог с индейкой, виргинскую ветчину с яйцами пашот, охлажденное клубничное суфле. И, за отсутствием выбора, «Болленже» 1963 года. В ожидании заказа пил черный кофе и воду со льдом.

Он сказал:

¹² У. Шекспир. Гамлет. – Пер. М. Лозинского.

¹³ Фруктовый коктейль (*ит.*).

- Фабер. Хорошее имя, *производительное*. *Homo faber*¹⁴.
- Прощу прощения, я правильно понял, что это последнее замечание означает…
- Вы, молодые, такие чувствительные. Нет, сексом это не связано. Но раз вы затронули данную тему, хочу задать вам сексуальный вопрос. Как вы смотрите на инцест?
- Как я смотрю…
- Инцест, кровосмешение. Секс среди членов семьи. У многих народов существуют строжайшие табу на инцест. Например у моих древних предков. Эдип, Электра и все такое. А кого-то это вообще не заботит. Англичан например. В Англии закон об инцесте был принят только в 1908 году.
- Но почему вы… с чего вы… В чем, собственно, дело?
- Вам, молодым, все только бы ниспровергать и ломать старое. Сокрушать все барьеры. Лёве мне рассказал, что вы там учудили – очень умно, в высшей степени смело. А вы бы смогли совершить инцест?
- Вопрос чисто академический, поскольку мне не с кем его совершать.
- Не увиливайте, друг мой. Говоря об инцесте, я имею в виду весь процесс до конца: *eiaculatio seminis inter vas naturale mulieris*¹⁵, и без таблеток, пессариев или противозачаточных колпачков. Речь идет о готовности совершить инцест с риском кровосмесительного зачатия.
- Слушайте, по-моему, у меня есть право знать, что происходит. Я пытаюсь попасть на Каститу исключительно в образовательных целях. Это мое законное право. А все, похоже, решили…
- Я все знаю. Вы погодите. Можно вас попросить? Пока я ем кеджери, вы попробуйте пофантазировать. Мальчик в постели с матерью, да? Оба голые. Он ее или она его обнимает. Вот вам начало, а дальше вы сами.
- Сначала Лёве меня обокрал, теперь вы притащили меня сюда, чтобы поговорить о…
- Продолжайте. Включите фантазию. Закройте глаза, если так будет проще.
- Я вздохнул. Можно ли было винить меня, молодого, за мое искреннее убеждение, что все старшее поколение – сплошь сумасшедшие? Шампанское подали в ведерке со льдом, и некоторые из вкушавших завтрак вылупили глаза. Но таращились они недолго: в конце концов, это был сибаритский Майами. Я закрыл глаза и попытался представить картину, которую требовал Пардалеос. Двуспальная кровать, не совсем свежие простыни, жужжащие мухи. Лето в самом разгаре: этим и объясняется нагота. Над кроватью висит репродукция, которую я не могу разглядеть как следует: что-то сюрреалистическое, красная комната, забитая стульями и какими-то пляшущими огненными параклетами. Потом я опустил глаза. Лица у матери не было, но тело просматривалось очень четко – тяжелые груди, живот, ягодицы, потно лоснившиеся в утреннем свете. Сын тощий, костлявый, разгоряченный. Их совокупление было поспешным, сын кончил быстро, как молодой петушок. Потом лег на спину, запыхавшийся, мокрый, и его лицо было почти как мое.
- Ну? – сказал Пардалеос, покончив с кеджери.
- Это был просто секс. Будь это карикатура на тему нравственного упадка, под ней можно было бы поставить скандальную подпись: СЫН ЗАСАЖИВАЕТ МАТЕРИ. Первичные чувства не возмущены, разве что эстетически. Это именно мысли, слова, представления, абсурдные запреты, псевдоэтические добавки, из-за которых… которых…
- Слова? Очень умно. Все верно. А теперь попрощаемся с сыном и матерью и возьмем брата с сестрой. Продолжайте.
- Знаете, это уже совсем как-то…

¹⁴ Человек производящий (*лат.*).

¹⁵ Извержение семени в естественный женский орган (*лат.*).

Но, следя взглядом за пробкой, которую официант вынимал из бутылки шампанского, я мысленно видел все ту же кровать, только простыни теперь поменяли и свет изменился – он почему-то стал зимним, сумеречно-предвечерним, и было еще ощущение горячего электрического камина, – и на кровати теперь были мальчик и девочка, оба стройные и миловидные, и они занимались любовью жадно и ненасытно. Я не видел их лиц: они слиплись в поцелуе. Пробка выстрелила, официант налил шампанского в мой бокал, и пена вытекла через край. Я не смог не усмехнуться и сказал:

– Преждевременная эякуляция.

– Весьма остроумно. На этот раз то, что вы называете первичными чувствами, уж точно не было возмущено, да? А теперь представьте. Через девять месяцев у нее родится ребенок. Что-нибудь скажете по этому поводу?

– Это было бы несправедливо по отношению к ребенку. Вырождение. Наследственные болезни и прочие слабости рода передаются в двойном масштабе. Поступок весьма безответственный.

– Вы пейте шампанское, пока газ не вышел. И наливайте еще. Хорошо. Значит, вы говорите, что кровосмесительный секс недопустим при риске зачатия, но если предохраняться, то ничего предосудительного в нем нет. Я правильно понял?

Я залпом выпил шампанское, как было велено. В желудке случилось мгновенное извержение накопившего дурного воздуха, а потом пузырьки вырвались через нос. Одна из приятностей, связанных с потреблением шипучего вина, состоит в отделении назального пролога к рвоте от желания стонуть. Пардалеос уже приступил к пирогу с индейкой. Жевал, склонив ко мне голову, ждал ответа. Я осторожно сказал:

– У человека должно быть право на инцест с контрацепцией. Я имею в виду, должна быть возможность требовать осуществления этого права, так же как осуществления права есть дермо. Хотя можно съесть что-нибудь и получше. Зачем спать с матерью или сестрой, когда вокруг столько женщин? Выбирай – не хочу.

– Вы очень наивны, – сказал Пардалеос. – Вы мало читали. Мы осуждаем инцест, потому что он есть отрицание социальной общности. Все равно что писать книгу, где каждая фраза представляет собой тавтологию.

– Мой отец... – начал я.

– Ваш отец был убежденным противником социальной тавтологии. Но каждый сын восстает против отца. Молодой человек, протестующий против общества, построенного отцом, совокупляясь у всех на виду с незнакомкой, вполне способен...

– Нет. К тому же это вопрос чисто академический. Я бы не смог совершить инцест.

– А если бы могли?

– Все равно бы не стал. Я требую права иметь возможность, но воплощать это право не собираюсь. Стопроцентно надежного контрацептива не существует.

– Я хорошо знал вашего отца, – сказал Пардалеос. – Он был мне другом, не только клиентом. Мне очень жаль, что его больше нет с нами. Он выбрал свободу, которую выбрали бы не многие. Или, лучше сказать, он был принужден к этой свободе, которую превратил в рабство. Он совершил инцест.

Секунд через пять я осознал, что у меня отвисла челюсть. Еще секунд через пять до меня дошло, что, если я буду и дальше так сильно сжимать бокал, стекло просто рассыплется, и тогда все уже точно обратят внимание на мою отвисшую челюсть. Я посмотрел в совершенно спокойные, ничего не выражавшие глаза Пардалеоса, глянцевые из-за тонких линз. Его рот был занят пирогом с индейкой. Этот рот произнес:

– Он уже мертв, упокой Господи его душу. И она тоже мертва.

Я попытался выдохнуть вопрос, но не смог. Хлопнул еще шампанского. Оно было холодным, благословенным и бесполым. Я испытывал безумное ощущение чистого, холодного, bla-

гословенного приобщения к некоему призрачному отцу, не к моему, который благословлял меня из необозримого далека. Это был создатель шампанского, Дом Периньон. Пардалеос ответил на невысказанный вопрос:

– Его сестра, да. Ваша тетка-мать, говоря по Шекспиру. Только не думайте, что это был хилый невнятный шаг бунтарского эпатажа. Тут скорее эллинская страсть и трагедия. Он любил ее, она любила его, и они жили. Как муж и жена.

Прибыла ветчина, мертвая плоть со слепыми, широко распахнутыми глазами яиц пашот. Я попытался прочесть на тарелке тайное послание из потустороннего мира. Стоял и таращился точно такими же невидящими глазами. Слабость, разлившаяся по телу, как бы собралась по частям воедино, дабы пропеть дьявольский тропарь во славу Отца – Подателя всего благого. Я попробовал заговорить:

– То есть. Вот так. Не надо.

– Давайте еще по шампанскому, и продолжаем рассказ. Вы же крепкий молодой человек, представитель крепкого нового поколения, вы все сможете переварить. После вторых родов жену-сестру вашего папы охватило жестокое раскаяние.

– Ее вто. Ее втор. Ее в.

– Ее, как вам известно, нашли утонувшей. Но вы не знали причину. Тело было обезображенено, но ваш отец его опознал.

– Ее. Вы сказали.

– Да. У вас есть сестра. Ваш несчастный отец понимал, что обстоятельства могут сложиться так, что однажды вы с нею встретитесь. Как говорится, мир тесен. Его мучил страх. Он боялся, что, если вы встретитесь с ней, вами тотчас завладеет – против воли, вне всяких сомнений, наверняка против воли – все та же противозаконная страсть. Опять эллизим. Проклятие рода. «Мы для богов – что для мальчишек мухи»¹⁶. Забава бессмертных. Вздор, говорил я ему. Лёве, замечу, знает далеко не все. Как и Ачесон в Сиэтле. И Шиллинг в Сакраменто. Как я уже говорил, мы с вашим отцом были очень близки. В любом случае, говорил я ему, вероятность практически нулевая. Я категорически отвергаю весь этот вздор насчет дома Атрея, равно как и прочие мифологические предрассудки моей древней нации.

– Сест.

– Молодая и, как я сам лично видел, прелестная девушка. Не очень здоровая, разумеется. Ей нужно тепло. Она живет на Карибах. Если вы собираетесь на Карибы, то нам ее нужно оттуда убрать. То есть придется перенести дату ее отъезда в Европу. В пансион благородных девиц в Ницце.

– Я. Что. Не могу.

– Еще шампанского?

– Бренди. Брен.

– У меня есть.

Он достал из бокового кармана серебряную фляжку. Она вспыхнула бликом света, тонкая, как портсигар. Пардалеос налил бренди в мой пустой бокал из-под шампанского, но я не смог опрокинуть его залпом – у меня тряслись руки, и еще на меня смотрел какой-то суровый и лысый толстяк в очках. Пардалеос сказал:

– Не нужно так волноваться. Ваш теперешний шок – это шок, сопровождающий любое внезапное обретение новых знаний. Что-то творится у вас за спиной, и это вас возмущает. Вам как бы напоминают, что даже молодость не обладает полной осведомленностью обо всей необыянности, обо всей тонкости и обо всем ужасе потайных механизмов жизни.

Он съел всю ветчину и оба яйца. На тарелке уже ничего нельзя было прочесть, кроме краткого сообщения мазком горчицы, которое я не смог расшифровать. Может быть, это было

¹⁶ У. Шекспир. Король Лир. – Пер. М. Кузмина.

*Homo fuge*¹⁷? Наблюдавший за мной суровый толстяк атаковал огромное блюдо с чем-то кашеобразным и желтым. Между припадками дрожи я выпил бренди. Пардалеосу принесли клубничное суфле вкупе со счетом на много долларов. Хотя меня и подташнивало от зрелища, я все равно смотрел как завороженный на воздушный розовый холм в лоснящихся бородавках из сморщеных половинок больших ягод в россыпи черных точек. Пардалеос взял ложку и проговорил:

– Разумеется, у меня нет законного права задерживать вас здесь. Надеюсь, вы разделите мою точку зрения. Такая посмертная шутка. В конце концов, он ваш отец.

У меня было чувство, как будто я съел своего отца: мертвая плоть ветчины с яйцами пашот вместо глаз, мозги-суфле и ногти – живые и острые. Это все бренди.

– Вам понравится моя квартира. Лейжер-Сити¹⁸ – такое приятное название. Это совсем ненадолго. Пока мне не сообщат об их отлете в Париж. На самом деле, это не ограничение вашей свободы, правда? В конце концов, что есть время? У вас его много…

– Их? Они?

– За ней присматривает одна старая дама. Поверьте мне, эта глупость не будет тянуться вечно. Когда вам исполнится двадцать один, женитесь, остеинитесь…

Он зачерпнул ложкой розовые «мозги». Чувствуя мощный прилив тошноты, которая, я знал, была красной – намек на вязкий густой экстракт глубоко в горле, – я кое-как выдавил:

– Мне нужно сходить в…

– Да пожалуйста!

Он меня отпустил. На выходе из ресторана я заметил, как двое парней в веселеньких ярких рубашках и зеркальных очках поднялись из-за столика у двери. Так вот почему он меня отпустил. Я побежал, высматривая дверь с буквой М, расталкивая женщин в годах, которые возмущенно ойкали, пока их пузатые спутники готовились крикнуть мне: «Эй, молодой человек». Один мужчина, я видел, нес лыжи. Лыжи? Лыжи?! Я ворвался в мужской туалет и увидел, что там, слава богу, полно народу: везде шумела вода, застегивались молнии, теплой водой мылись пухлые руки. Те двое последовали за мной. Они совсем не запыхались, улыбались слегка кривовато, но по-доброму. У одного были рыжие, ржавые волосы, расчесанные на прямой пробор и заправленные за уши; второй был в соломенной шляпе. Губы у обоих мягкие, совсем не жестокие. Согнувшись пополам, я выкашлял на кафельный пол плотный красный сгусток. Реакция была вполне ожидаемая: искреннее и напускное равнодушие, отвращение, замешательство, быстро подавленное возмущение, очень мало сочувствия. Я воскликнул слабо и коварно:

– Врача, отведите меня к…

Парни Пардалеоса не заставили просить себя дважды. Они подскочили ко мне, улыбаясь, согнули руки крюками. Уже не так слабо, но еще коварнее:

– Нет, нет, нет. Не подпускайте их, нет. Это они меня так, они.

Парочка начальственного вида дядек в рубашках, но без пиджаков сверкнули очками сперва на меня, потом – на этих двоих и вроде как принялись сурово закатывать рукава. А потом туалетный смотритель, крепкий чернокожий старик в белом, с серой сморщенной кожей, обнял меня за талию.

– Тебе к врачу надо, сынок? Ну пойдем.

Он вывел меня из уборной, но, что удивительно, парни Пардалеоса не бросились следом. На самом деле я видел, как рыжеволосый подошел к писсуару и взялся за молнию на ширинке. Я оказался в огромном, переполненном людьми вестибюле – свободный, но озадаченный. Озадаченный также и тем, почему я, слабый мальчик, еще больше ослабленный утрен-

¹⁷ Человек, беги (*лат.*) – К. Марло. Трагическая история доктора Фауста.

¹⁸ В оригинале Leisure City. Букв: город досуга, город свободного времени (*англ.*).

ними откровениями, не хочу отдохнуть в Лейжер-Сити. Предложение Пардалеоса казалось более чем разумным. Если я двадцать лет прожил без младшей сестры, значит, она мне вообще без надобности. К чему такая спешка? Тем не менее я сказал:

- Мне уже лучше. Теперь я, наверное, справлюсь. У меня самолет. Просто временное...
- Ты уверен? Выглядишь ты неважно, сынок. Куда летишь?
- На Каститу.
- На Каститу? А это где?

Я понял, к чему эта спешка. Я жадно стремился к Сибу Легеру как к единственному островку здравого смысла в этом безумном мире. И тут я увидел того человека из Бронкса, во всем черном, *memento mori* для беззаботных и радостных отдыхающих в ярких летних одеждах, оживленно-подвижный предупредительный знак, напоминание о том, что ждет всех нас там, по ту сторону этого краткого спазма отпускного солнца. Он толкал перед собой, держа в скрытом захвате, невысокого смуглого человечка, яростно шевелящего губами, – с большими усами, в желтовато-коричневом костюме. Стало быть, человек в черном взял Гусмана, как собирался, и не дал ему вернуться в... британский городской глашатай звонит в колокольчик, на нем треуголка, штаны до колен и камзол с фигурными клапанами на карманах, с наложенным саундреком русского подхалима: у меня бессознательно отложился в голове этот образ.

- То есть в Охеду. Чarterным рейсом.
- Ведь Охеда, если не ошибаюсь, в четырехстах милях к западу от Каститы?
- Тогда следи вон за тем телевизором, сынок. Там будет выход на посадку. Ну а мне надо обратно в сортир. Ты уверен, что у тебя все хорошо?
- Спасибо, – сказал я и добавил: – Мы, Гусманы, крепкие.

5

И вот, спустя пару дней, я держу курс на восток на элегантной новенькой яхте под названием «Загадка П», нарядной красавице тридцати футов в длину и десяти в ширину. Принадлежала она человеку по имени Фрэнк Эспинуолл, дядьке лет сорока пяти, тучному и брутально лысому, как восточный монах или палач, родом из Гаррисберга, штат Пенсильвания, бывшему дизайнеру средней руки, занимавшемуся дамской модой, но отошедшему от дел ради привольной, зависящей только от собственных настроений жизни в непрестанных морских круизах. Он ненавидел женщин и, когда говорил о своей яхте, никогда не называл ее яхтой, а только судном. У него был компаньон, такой же радикальный женоненавистник, по имени Пин Шандлер, двадцати с чем-то лет, поэт, который, насколько я понял, периодически бросал Эспинуолла то в одном, то в другом карибском порту, но потом каждый раз возвращался, весь в синяках, полумертвый от голода и полный раскаяния.

А я все гадал, как зовут мою сестру. Анна-Мария, Кларинда, Офелия, Джейн, Пруденс, Черити, Карлотта? Нет, не Карлотта. Вообще-то мне было по барабану. Если я об этом задумывался, то исключительно из праздного любопытства. С другой стороны, разве мне не придется взять эту самую сестру под опеку, когда я достигну совершеннолетия? Обеспечить ей все условия, так сказать. Вот пусть закончит учебу в своем благородно-девическом пансионе, а потом мы ее благородно спровадим замуж. Впрочем, подобные мысли предполагали, что мне вроде как предстоит облачиться в суровый саван главы семьи. А мне оно надо? Эспинуолл и Шандлер были свободны, хотя и безысходно привязаны друг к другу в сексуальном смысле. Я сам научился относиться к сексу как к чему-то преходящему. Пришло – ушло, и бог с ним. Я мог бы стать абсолютно свободным, как воображаемые работы Сиба Легера. Свободным даже от ропота и нытья своего собственного тела. Сейчас я себя чувствовал гораздо лучше, проходя обработку всем этим озоном, под Карибским солнцем, льющим к спине. Как будто теперь, уже зная причину всех своих мелких хворей, я мог закрепить их за этой причиной как движимое имущество. Я отписал их обратно отцу.

В тот конкретный момент я готовил обед: что-то вроде буйабеса из консервированной селедки, моллюсков и кальмаров, сваренных в рыбном бульоне из сухого концентрата, с луком и перцем, а потом, на десерт, – дольки персика в крем-карамели. Мой камбуз располагался на корме, в большом кубрике, который использовался в основном для хранения парусов – по левому борту, с не особенно разнообразным запасом продуктов в кладовке, прямо напротив галюна и перехода на правый борт. Еще на корме располагался салон с кожаными диванчиками вдоль стен, с большим столом посередине и маленьким штурманским столиком у передней переборки. На одном из диванчиков возлежал Пин Шандлер, блондинчик с прямыми длинными волосами, в очках с круглыми стеклами, с выпяченными по-рыбы губами, каковые сейчас шевелились в вокальной отладке строчек из длинной псевдопоэмы, которую он сочинял: *Взварено пены, дряблые жилы, уравнение доказано, равенства знак.* – Ни слова об окружающем море: сплошной едкий, удушливый бред с сексуальным уклоном. – *Долго дула труба, но поникла теперь, наконец отдохнет.* Он был в легких слаксах цвета вареного шпината и в футболке, которая сперва показалась мне обыкновенной «газетной», но, присмотревшись поближе, я обнаружил, что, по какому-то грязному замыслу, ее украшали страницы из произведений писателей-мистиков. Эспинуолл с мрачным видом стоял за штурвалом, полностью голый, но с трубкой в зубах.

Доротея, Маргрит, Фредерика, Рикарда, Эдварда. Да черт с ней, с сестрой. И черт с ней, с ответственностью.

Все было на удивление просто. Я безо всяких проблем сел на тот чартерный рейс в Охеду. Такая гремучая смесь пассажиров всех цветов кожи, столько расового разнообразия в Охеде,

что я сошел за самого заурядного карибца. Никто не просил предъявить билет. Смуглый дядька с седыми кудрями не глядя вычеркивал фамилии из списка. Кортес, хорошо. Корти, хорошо, хорошо. Кортес. Кредите. Мандукастис. Хорошо, хорошо, хорошо. Гусман, Гусман, Гусман, хорошо. Большинству пассажиров было действительно хорошо. В смысле они пребывали в изрядном подпитии. Они провели отпуск во Флориде и сейчас возвращались на остров, где действовал строгий «сухой закон» – тяжелое наследие английских отцов-основателей-мусульман, которые в 1647 году уплыли из Англии с ее пуританской нетерпимостью. Один из пассажиров, страдающий старческой дальновидностью, усугубленной виски, принял меня за настоящего Гусмана и заговорил о том, как мы с ним замечательно провели время на ипподроме в Хайалиа-Парке. И все же на всякий пожарный я почти весь полет просидел в туалете. Где очень серьезно обдумывал свое будущее.

План был такой: ознакомиться с произведениями Сиба Легеру, как было задумано изначально, потом каким-то образом вернуться в Соединенные Штаты и выудить деньги у хранителей отцовской казны, чтобы этих денег хватило примерно на год – может, чуть больше – скромного, бережливого существования, пока я буду искать себя и проверять на наличие творческого таланта. Я решил быть понятливым и послушным в том, что касается посещения запретных зон – например юга Франции, где находится Ницца и где скоро окажется моя сестра. Мне просто не нравится, когда мне пудрят мозги, вот и все. Расскажите мне правду, и, какой бы безумной она ни была, я отреагирую благоразумно. Сестра: я никак не мог свыкнуться с мыслью, что у меня есть сестра. И со всеми уловками и неправдами, с этим связанными. Впрочем, выбросить из головы это знание об имеющейся сестре было довольно легко. В конце концов, что такое иметь сестру? По сути, вообще ничто. Если оно и имеет значение, то столь же малое – хотя между нами есть некая связь, я не мог отрицать, что какая-то связь все же есть, – как и рождение от кровосмесительного союза. Потому что в мире есть люди: талидомидные дети, жители зобных долин, заядлые курильщики, сладкоежки на цикламате, – которые действительно нездоровы, а мои мелкие недомогания и слабости вряд ли потянут на то, чтобы записать меня в пожизненные инвалиды. Все глупое прошлое – наш отец, а весь мир – наш лазарет, место многих мучений и горя, многих забот и страданий. Этот последний речитатив – из канцаты Баха на четырнадцатое воскресенье после Троицы, тупо вспомнилось мне. И это была, безусловно, еще одна моя слабость, но уже иного свойства.

Махну, скажем, в Мексику, в какое-нибудь симпатичное грязное местечко типа Идалго или Мансанильо и там, живя на тортильях и текиле, как раз и проверю, сможет ли мой бесформенный разум, этот средневековый квартал, где сплошь лавки старьевщиков, бессвязно и нелогично породить нечто значимое и осмысленное. На самом деле у меня уже были кое-какие задумки. Я хотел написать пьесу. Распознавал в себе определенный театральный талант – другое название эксгибиционизма. Мог представить себе бесконечное множество сценических ситуаций. Их воплощение в действии, в моем собственном действии, могло быть захватывающим и волнующим, как мое выступление с Карлоттой, но также могло быть весьма утомительным и опасным. Пусть лучше театр творится там, где ему полагается быть – на театральных подиумах. У меня еще не было четкого представления о сюжете будущей пьесы, зато было множество ситуаций, которые можно связать воедино. Там, в туалете, освежая лицо самолетной туалетной водой, я очень отчетливо вообразил одну сцену:

ДЖОРДЖ. Почти вернулся Симон, краб-паук.

МЕЙБЕЛ. Рыба-пеликан геркулесовых пропорций. Три Евсевии в баскетах, то есть в баскских беретах.

ДЖОРДЖ. Да-да. Вооруженные молнией легионы.

Эти слова говорятся в постели, в процессе совокупления. Смысл, разумеется, кроется в бессвязности и нелогичности. Я был очень молод и еще не знал, что подобное уже давно написано.

Мы прибыли в аэропорт Охеды, почти у самого Блейксли, захудалой дыры, которую здесь называют столицей. Теперь мне нужен был морской транспорт, где я мог бы отработать проезд на Каститу. В кофейне напротив входа в аэровокзал я попытался узнать, к кому мне вообще обратиться по этому поводу, и меня направили в бар отеля «Бессон» рядом с пристанью для яхт. Там-то я и познакомился с Эспинуоллом и Шандлером, на которых мне указал бармен как на яхтсменов, намеревавшихся ради разнообразия и за неимением более увлекательных вариантов сходить на Каститу на праздник Святой Евфорбии – сплошные процесии со статуями, фейерверки, сахарная вата, чудеса и спиртное рекой. Поначалу Эспинуолл и Шандлер были не слишком уверены, нужен я им или нет, но когда я сказал, что умею готовить, они признались, что их уже малость подташнивает от собственной и «другдружной» стряпни. Я сказал, что мне надо срочно. Ладно, можно и срочно. Им, в общем, без разницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.